

АНТИ - "КАПИТАЛ"

Начала теории потребительной стоимости

От автора

Отдел первый

Товар и деньги

Товар

1. Два фактора товара: потребительная стоимость и стоимость (субстанция стоимости, величина стоимости)

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает, как "огромное скопление товаров" ¹⁾, а отдельный товар - как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается, поэтому анализом товара.

¹⁾ Карл Маркс. "К критике политической экономии". Берлин, 1859, стр.3 [см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том.13, стр.13].

Товар есть, прежде всего, внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, - порождаются ли они, например, желудком или фантазией, - ничего не изменяет в деле ²⁾.

²⁾ "Желание предполагает потребность, это аппетит духа, и он присущ ему столь же естественно, как голод телу... большая часть вещей имеет стоимость потому, что удовлетворяет потребности духа". Nicholas Barbon. "A Discourse concerning Coining the New Money lighter. In Answer to Mr. Locke's Consideration etc." London, 1696, p.2, 3.

Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т.е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т.д., можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества. Каждая такая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные способы употребления вещей, есть дело исторического развития ³⁾.

³⁾ "Вещи имеют присущее им внутреннее свойство" (vertue таково у Барбона специфическое обозначение потребительной стоимости), "которое везде остается неизменным; например, способность магнита притягивать железо" (N.Barbon, цит. соч., стр. 6) . Свойство магнита притягивать железо стало полезным лишь тогда, когда при помощи него была открыта магнитная полярность.

То же самое следует сказать об отыскании общественных мер для количественной стороны полезных вещей. Различия товарных мер отчасти определяются различной природой самих измеряемых предметов, отчасти же является условным.

Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью ⁴⁾.

⁴⁾ "Естественная стоимость [natural worth] какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобствам человеческой жизни" (John Locke. "Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, 1661" in "Works". London, 17... v.2, p.28) В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей "worth" для обозначения потребительной стоимости и "value" для обозначения меновой

стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные - словами романского происхождения.

Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т.п., само есть потребительная стоимость, или благо. Этот его характер не зависит от того, много или мало труда стоит человеку присвоение его потребительных свойств. При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например, дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т.д. Потребительные стоимости товаров составляют предмет особой дисциплины - товароведения⁵⁾.

⁵⁾ В буржуазном обществе господствует *fictio juris* [юридическая фикция], будто каждый человек, как покупатель товаров, обладает энциклопедическими познаниями в области товароведения.

Потребительная стоимость осуществляется только в пользовании или потреблении. Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

В предисловии к настоящей работе я уже говорил и считаю возможным повторить здесь еще раз, что, как мне представляется, я осознаю всю тяжесть, всю ответственность и всю степень риска, связанные с целью и задачей настоящей моей работы. Но мне очевидна также и вся непреложная необходимость того, что я пытаюсь делать. Поэтому, не смотря ни на что, я буду возражать Марксу и буду спорить с Марксом, начиная даже с первых страниц его "Капитала".

Анализу категории "потребительная стоимость" при первом ее упоминании Маркс отводит совсем немного места: всего один абзац в 7 строк. Он почти сразу отсылает читателя к специальной дисциплине - товароведению, которая, по его мнению, и занимается изучением потребительных стоимостей товаров. Возникает вопрос, а как же политическая экономия? Как она представляет себе эту политэкономическую категорию, одну из наиболее часто употребляемых в том же "Капитале" и составляющую, наряду со стоимостью, одно из ключевых понятий наук о функционировании общества?

Для Маркса потребительная стоимость это свойство вещи быть полезной, удовлетворять какие-либо человеческие потребности. Это свойство, эта способность для него неразрывно связаны с физическими, химическими, биологическими и тому подобными натуралистическими, вещественными свойствами товарного тела. Поэтому для него формой проявления, способом выражения потребительной стоимости товара является его натуральная, телесная, чувственно воспринимаемая человеком форма. Поэтому он считает, что потребительная стоимость товара не зависит от того, сколько труда она стоит человеку, во что обходится ему потребление ее полезных свойств, сколько приходится заплатить за удовлетворение той или иной своей потребности. И именно поэтому для Маркса количественная определенность потребительной стоимости выражается в единицах количества (штуках), единицах длины, объема, веса и множестве других, в которых в естественных науках и практике измеряются физические, химические, биологические и другие свойства материальных тел.

И все эти представления имеют место наряду и даже прежде, чем заявление о том, что "потребительная стоимость осуществляется лишь в пользовании или потреблении" (см. текст Маркса чуть выше). **Маркс не видит или не хочет видеть в этих своих представлениях явного и глубочайшего противоречия!**

В самом деле, если потребительная стоимость продукта осуществляется, существует только в потреблении, то она **непрерывно должна зависеть от потребителя, от субъекта процесса потребления, а так же и от условий и обстоятельств потребления.** И это действительно имеет место! Например, полезное свойство того же сюртука, который Маркс в дальнейшем

очень часто будет использовать в качестве примера, сохранять тепло для жителя заполярной Азии имеет несравненно большее значение, чем для обитателя экваториальной Африки. Или, глоток пресной воды в среднеазиатской пустыне имеет почти всегда жизненное значение и часто стоит в прямом смысле больших денег. В то время как для байкальского рыбака за всю его жизнь он не стоит ему и "ломаного гроша".

Маркс и сам косвенно подтверждает справедливость такого понимания зависимости величины потребительной стоимости от субъекта потребления, говоря в дальнейшем о том, что для товаровладельца потребительная стоимость его товара отсутствует, равна нулю или близка к нулю, в то время как для его партнера по обмену она имеет вполне конкретное положительное значение. Например, для горшечника, доставившего на рынок продукт своего труда - глиняный кувшин - потребительная стоимость данного конкретного кувшина отсутствует. Но ведь физическая, химическая и прочая материалистическая сущность кувшина, его вещественные свойства, как-то: вместимость, способность удерживать жидкость от растекания, вес, хрупкость остаются одними и теми же, не зависимо от того, в чьих руках или на чьих полках находится эта глиняная посуда! Так и материальные свойства всех других товаров, как объективные свойства уже реально существующих элементов материального мира после изготовления не зависят от воли ни потребителя, ни посредника, ни даже изготовителя!

Но как же тогда быть с тем, что дома у горшечника остался второй, точно такой же, как и первый, вынесенный на рынок, кувшин, в котором он сам хранит молоко? Ведь потребительная стоимость этого сосуда для горшечника существует! Вещественные свойства у кувшинов одинаковые, а потребительная стоимость то есть, то нет?!

Кроме того, каждый из нас вспомнит массу примеров, когда вещи, являющиеся сегодня полезными и потребляемыми им, существовали на Земле задолго до появления самого далекого человеческого предка. И уже тогда они обладали всеми теми телесными, натуральными свойствами и качествами, по наличию которых позднее Маркс объявил их носителями потребительной стоимости. По Марксу получается, что они и тогда уже были потребительными стоимостями, когда и потребителя - человека еще не было?!

По Марксу получается: то зависит, то не зависит! Потребительная стоимость и зависит от потребления и не зависит от него! Маркс не увидел в этих своих представлениях глубочайшего противоречия или не смог разрешить его. И на этом несоответствии его представлений объективным закономерностям природы он выстроил свою теорию стоимости. **И на этом несоответствии, противоречии, абсурде базировалась вся экономическая теория и практика, так называемой, социалистической общественно-политической формации!**

Между тем, разрешение этого противоречия не только необходимо, но и возможно.

Для этого достаточно ввести в понятийный аппарат политической экономии новую категорию: ПОТРЕБИТЕЛЬНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ и понимать ее, как марксову потребительную стоимость! Собственно же потребительная стоимость это категория с совершенно новым, отсутствующим у Маркса содержанием.

Попытаемся разобраться, насколько правомерна, насколько логична и обоснована такая замена и такое добавление.

Полезность вещи, прежде всего, заключается в том полезном значении, полезном предназначении, которым она обладает для человека благодаря ее свойствам, присущим ей не зависимо от отношения к ней конкретного потребителя. Эти свойства вещи существуют ОБЪЕКТИВНО и обуславливаются ее вещественными, телесными, физическими, химическими и иными материалистическими свойствами. Такая потребительная полезность или **всеобщая** потребительная значимость для любого из возможных потребителей действительно не зависит от того, много или мало труда стоит человеку потребление ее потребительных свойств. (Ведь тот же самый сюртук объективно одинаково согревает человека, не зависимо от того, нашел ли он его на дороге, сшил себе сам или обменял на пару собственноручно пошитых сапог). Такая потребительная значимость, действительно, находит свое проявление в вещественной, натуральной форме и измеряется в единицах физических, химических и т.п. величин. Поэтому предмет товароведения это изучение именно потребительных значимостей товаров. Именно поэтому качество товара это степень реализации, степень проявления его потребительной значимости.

ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ же СТОИМОСТЬ это количество труда, количество рабочего времени, количество рабочей энергии, которое человек затрачивает на удовлетворение той или иной своей потребности. Употребление термина стоимость, даже и в сочетании с термином потребительная необходимо требует подразумевание определенного количества труда.

В самом деле, если труд человека это расходование его мускулов, нервов, мозга (а в этом мы согласны с Марксом) и энергии, то человек осуществляет труд, производит работу для удовлетворения даже самой малой своей потребности, например, в яблоке. Ведь для того, чтобы сорвать его с яблони и съесть, человеку приходится подходить к дереву, поднимать руку - а это все расходование мускулов, мозга нервов, т.е. труд. А если это яблоко (единственное оставшееся) висит на самой макушке дерева, то за ним придется еще и взобраться наверх - а это еще больший труд, большая работа. Получается, что потребление одинаковых яблок, имеющих одну и ту же потребительную значимость, т.е. имеющих одинаковый размер, одинаковое содержание питательных веществ стоит человеку разного количества труда. Следовательно, эти два яблока имеют для него различную стоимость и потребительную стоимость.

В дальнейшем мы не раз еще вернемся к выяснению различий между потребительной значимостью и потребительной стоимостью. Сейчас же снова обратимся к "Капиталу".

Меновая стоимость, прежде всего, представляется в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода ⁶⁾, - соотношения, постоянно меняющегося от времени и места.

⁶⁾ "Стоимость есть то отношение, в котором одна вещь обменивается на другую, определенное количество одного продукта на определенное количество другого" (Le Trosne. "De l'interet Social", "Phisoiocrates", Ed, Daire. Paris, 1846, p.889) l'interet Social", "Phisoiocrates", Ed, Daire. Paris, 1846, p.889)

Меновая стоимость кажется, поэтому чем-то случайным и чисто относительным, а внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость (*valeur intrinsique*) представляется каким-то *contradictio in adjecto* (противоречием в определении) ⁷⁾.

⁷⁾ "Ничто не может иметь внутренней стоимости" (N. Barbon, цит. соч., стр. 6), или, как говорит Батлер: "The value if a thing is just as much as it will bring" [Вещь стоит ровно столько, сколько она принесет"].

Рассмотрим дело ближе.

Известный товар, например один квартал пшеницы, обменивается на X сапожной ваксы, или на Y шелка, или на Z золота и т.д., одним словом - на другие товары в самых различных пропорциях. Следовательно, пшеница имеет не одну-единственную, а многие меновые стоимости. Но так как и X сапожной ваксы, и Y шелка, и Z золота и т.д. составляют меновую стоимость пшеницы, то X сапожной ваксы, Y шелка, Z золота и т.д. должны быть меновыми стоимостями, способными замещать друг друга, или равновеликими. Отсюда следует, во-первых, что различные меновые стоимости одного и того же товара выражают нечто одинаковое и, во-вторых, что меновая стоимость вообще может быть лишь способом выражения, лишь "формой проявления" какого-то отличного от нее содержания.

Но ведь бесспорно и то, что за один квартал пшеницы дадут шелка много больше в местности, производящей шелк, где он имеется в большом избытке, где собственные потребности жителей в нем удовлетворены в более значительной степени, чем в местах, в которых шелк сам является редчайшим диковинным заморским товаром. Так и золота за один квартал пшеницы можно получить разное количество в местах его производства и, наоборот, наиболее отдаленных от них. Точно также в годы неурожая за один квартал пшеницы можно получить и шелка и золота много больше, чем в годы продовольственного изобилия. Поэтому, действительно, пшеница имеет многие меновые стоимости. И эта множественность выражается не только в различных ее меновых стоимостях в товарах разного рода, но и в различных ее меновых стоимостях в одном и том же товаре, но в различных местах, в разное время и при

различных обстоятельствах. Примем к сведению это наше замечание и снова обратимся к первоисточнику.

Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = а центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах - в 1 квартере пшеницы и в а центнерах железа - существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая стоимость, должна быть сводима к этому третьему.

Иллюстрируем это простым геометрическим примером. Для того чтобы определять и сравнивать площади всех прямолинейных фигур, последние рассекают на треугольники. Самый треугольник сводят к выражению, совершенно отличному от его видимой фигуры, - к половине произведения основания на высоту. Точно также и меновые стоимости товаров необходимо свести к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют.

Этим общим не могут быть геометрические, физические, химические или какие-либо иные природные свойства товаров. Их телесные свойства принимают во внимание вообще лишь постольку, поскольку от них зависит полезность товаров, поскольку они делают товары потребительными стоимостями **{заметим здесь, потребительными значимостями}**. Очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется как раз отвлечением от их потребительных стоимостей **{потребительных значимостей}**. В пределах менового отношения товаров каждая данная потребительная стоимость **{значимость}** значит ровно столько же, как и всякая другая, если только она имеется в надлежащей пропорции. Или, как говорит старик Барбон: "Один сорт товаров также хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия"⁸⁾.

⁸⁾ "Один сорт товаров также хорош, как и другой, если равны их меновые стоимости. Между вещами, имеющими равные меновые стоимости, не существует никакой разницы, или различия... Количество железа или свинца на сто фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как и количество серебра или золота на сто фунтов стерлингов" (N.Barbon, цит. соч., стр.53 и 7).

Как потребительные стоимости **{значимости}** товары различаются, прежде всего, качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно, не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости **{значимости}**.

Остановимся ненадолго и внимательно задумаемся в только что прочитанный материал. Действительно, уравнение 1 квартал пшеницы = а центнерам железа говорит нам о том, что в двух этих различных вещах существует нечто общее равной величины. И этим общим, действительно, не могут быть природные, вещественные свойства товаров, хотя бы потому, что те же самые товары, обладающие теми же самыми природными свойствами в другом месте, при других обстоятельствах обмениваются в другой пропорции. Поэтому этим общим не может быть потребительная значимость товаров.

И совсем не очевидно, с другой стороны, что меновое отношение товаров характеризуется отвлечением от их потребительных стоимостей в том, истинном, стоимостном понимании этой категории, которое мы отстаиваем. Совсем наоборот! Обмен фиксирует то, что в пределах данного менового отношения товаров каждый данный способ удовлетворения потребностей стоит ровно столько же, как и всякий другой.

Из того, как мы определили способность продукта удовлетворять потребности человека, нам известны лишь потребительная значимость и потребительная стоимость товара. Первую мы чуть выше исключили из числа претендентов. Остается вторая. Потребительная стоимость. Именно потребительная стоимость, именно количество собственного труда, которое по

представлению обменивающихся сторон соответствует труду партнера по обмену, заключенному в получаемых ими полезных свойствах чужого продукта и есть то общее, что фиксируется в данном меновом отношении двух товаров. И тогда, действительно, один сорт товаров так же хорош, как и другой, одна потребительная стоимость также хороша, как и другая, ибо один труд обменивается на такое же количество другого труда.

Качественно товары различаются как потребительные значимости. Как потребительные стоимости товары различаются количественно и, как мы увидим позднее, потребительная стоимость в меновом отношении, в меновой стоимости находит себе форму, способ проявления.

Вернемся далее к "Капиталу".

Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они - продукты труда. Но теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид. В самом деле, раз мы отвлеклись от потребительной стоимости, мы вместе с тем отвлеклись также от тех составных частей и форм его товарного тела, которые делают его потребительной стоимостью. Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем. Равным образом теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определенного производительного труда. Вместе с полезным характером продукта труда исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду.

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т.е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости - товарные стоимости.

В самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно независимое от их потребительных стоимостей. Если мы действительно отвлечемся от потребительной стоимости продуктов труда, то получим их стоимость, как она была только что определена. Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость. Дальнейший ход исследования приведет нас опять к меновой стоимости как необходимому способу выражения, или форме проявления стоимости; тем не менее, стоимость должна быть сначала рассмотрена независимо от этой формы.

Уж если, в самом деле, отвлечься от телесных, натуральных, материальных свойств товара, которые для Маркса составляют содержание понятия потребительная стоимость, а для нас, и, уверен, в действительности, являются потребительными значимостями, то у товаров, как предметов общественных отношений, остаются не одно, а два общих свойства. Во-первых, все товары являются продуктами труда, и, во-вторых, все или почти все товары являются предметами потребления, средствами удовлетворения потребностей.

Сточки зрения человека, конкретного субъекта общественных отношений, продуктом его труда являются только те товары, к изготовлению которых он был так или иначе причастен, которые появились на свет благодаря затратам его рабочей силы. Такие товары являются для их изготовителей воплощением, материализацией их действительно осуществленного и **количественно определенного** индивидуального воплощения всеобщего абстрактного человеческого труда.

Другие товары, к производству которых данный конкретный человек не имел никакого отношения, являются для него воплощением все того же всеобщего абстрактного человеческого

труда, но затраченного не им самим, а потенциально необходимым, предположительно затраченного, **не вполне** количественно определенного.

В обоих случаях вместе с вещественно полезным характером продукта труда действительно исчезает и полезный характер представленных в нем видов труда, исчезают, следовательно, различные конкретные формы этих видов труда; последние не различаются более между собой, а сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду. Но если в первом случае количество действительно затраченного производителем абстрактно человеческого труда он сам знает со всей возможной определенностью и может выразить это количество в рабочем времени или степени своей усталости или количестве потребленных за время работы продуктов питания, или, что может быть в будущем особенно перспективным, в количестве израсходованной при этом энергии, то во втором случае данный конкретный человек о количестве всеобщаабстрактного человеческого труда, действительно затраченного на производство получаемого при обмене продукта, может сказать лишь предположительно, приблизительно, неопределенно. Он может только более или менее точно представить и предположить, что, например, ему самому для производства данного продукта потребовалось бы такое-то время, такое-то количество затраты рабочей силы, или, что данный изготовитель затратил на производство этого товара приблизительно столько же, сколько другой известный ему поставщик и т.п.

Поэтому, как кристаллы действительно затраченного на их производство абстрактно всеобщего человеческого труда товары - суть стоимости. И величина их стоимости доподлинно известна лишь самим производителям.

Поэтому, как кристаллы предположительно затраченного на их производство абстрактно количественно неопределенного (для потребителя, но не изготовителя) всеобщего человеческого труда, товары суть потребительные стоимости. И величина их потребительной стоимости приблизительно "известна" каждому потребителю и может колебаться, поэтому, в самых широких пределах. Как потребительные значимости товары, действительно, предмет товароведения. Как стоимости товары суть результат учета затрат, калькуляции себестоимости производителя. Как потребительные стоимости товары "познаваемы", доступны для приблизительно, более или менее точного представления каждому потребителю!

С точки зрения высказанных только что представлений фраза Маркса о том, что "в самом меновом отношении товаров их меновая стоимость явилась нам как нечто совершенно независимое от их потребительных стоимостей" станет бесспорной, если термин потребительная стоимость в ней заменить термином потребительная значимость. И если мы действительно отвлечемся в меновом отношении от потребительной значимости, то получим потребительную стоимость и стоимость, как они были нами определены.

Таким образом, можно констатировать еще раз, что то общее, что есть в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, есть потребительная стоимость и (или) стоимость. Что это не стоимость нам станет еще яснее в ходе дальнейшего рассмотрения. Пока же заметим, что в дальнейшем мы будем позволять себе при перепечатывании оригинала "Капитала" заключать [] слова, искажающие истинный смысл выражения или добавлять в { } слова, восстанавливающие истинный смысл выражения в тех случаях, когда не потребуются дополнительные комментарии.

Читаем "Капитал" далее.

Итак, потребительная [стоимость] **{значимость}**, или благо, имеет стоимость **{и потребительную стоимость}** лишь потому, что в ней овеществлен, или материализован, абстрактно человеческий труд. Как же измерять величину стоимости **{и потребительной стоимости}**? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой "созидающей стоимость **{и потребительную стоимость}** субстанции". Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т.д.

Читатели, конечно же, согласятся, с моим замечанием о том, что Маркс в своей работе довольно часто для более убедительной аргументации своих представлений прибегал к

аналогии отдельных политэкономических и, вообще, общественных отношений и явлений природы, материального мира. По моему глубокому убеждению, это не только допустимо, но и обязательно необходимо и плодотворно. Здесь не место заниматься выяснением причин, которые не позволили ему прибегнуть к этому, действительно, наиболее последовательному материалистическому методу познания общественной жизни в случае анализа способа измерения количества человеческого труда, затрачиваемого в процессе человеческой деятельности. Заметим только, что жизнь убедительно показала, что последствия этого неиспользования оказались чрезвычайно велики.

Человек, как субъект трудовой деятельности, и, прежде всего физической трудовой деятельности, с допустимой степенью точности может быть сравнен с механической системой, механической машиной. Очень вероятно, что грядущие открытия закономерностей функционирования человеческого мозга позволят сравнивать его и с электронной вычислительной системой, с кибернетической машиной (в известной мере это сравнение производится уже и теперь).

Известно, что в механике количество полезной работы, производимой машиной, измеряется единицами, собственно, работы или единицами энергии, каковы джоуль, эрг, ньютонметр, киловатт-час и другие. Работа, как таковая, определяется произведением силы на путь, момента на число оборотов, мощности на время. Нет никаких оснований, поэтому, измерять количество труда, затрачиваемого человеком на производство какого-либо продукта, только одним рабочим временем, в течение которого он производится. Ибо мощность, которую способен развить и действительно развивает в процессе производства каждый конкретный человек изменяется в самых широких пределах.

Каждый знает, даже если он ничего более не знает, что, например, один и тот же дачный участок разные, в общем, трудоспособные люди, вскопают за различное время, потому что каждый из них в течение этого времени развивает разную мощность. А о том, что некоторые виды работ часть людей вообще оказывается не в состоянии выполнить, притом, что другим она вполне оказывается по силам, я уже и не говорю...

Впрочем, одно основание для измерения количества труда продолжительностью рабочего времени все-таки есть. Это просто неумение, незнание того, как можно и должно измерять количество энергии (как эквивалента работы), затрачиваемой человеком в процессе труда, или, по крайней мере, величину мощности, развиваемой человеком в каждую единицу рабочего времени. Это незнание и неумение имело место и во времена Маркса и до него. Оно, к сожалению, имеет место и в наши дни.

В будущем, возможно не очень далеко, человечество отыщет способы и создаст устройства непосредственного измерения количества энергии, затрачиваемой каждым человеком при выполнении им работ всех видов, и вместе с этим у него появятся новые возможности и перспективы по наиболее эффективному решению вопроса о распределении совокупного общественного продукта между всеми членами общества. Современное Марксу и нынешнее товарное производство предоставляет человечеству свои пути решения этого ключевого вопроса общественного развития.

Вернемся же к тому, каким Маркс видел его решение.

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в процессе его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее и неискуснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесконечных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует, как общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее

время, которое требуется для изготовления какой либо потребительной [стоимости] {значимости} при наличии общественно нормальных условий производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Первое же рассмотрение последствий предложения использовать для измерения количества труда длительность рабочего времени делает и для Маркса очевидным имеющее место противоречие в том, что более ленивый (менее интенсивный) и менее искусный (более грубый) труд, якобы, создает большие количества товара и меновые стоимости, поскольку он требует большего времени для изготовления данного товара. Маркс находит возможность разрешения этого противоречия во введении понятия общественно необходимого рабочего времени. Основанием для этого для него является наличие в труде, создающем стоимость, характера одинакового всеобщего человеческого труда, труда, как затраты рабочей силы, присущей всякому производителю, всеобщего абстрактного человеческого труда. Рассмотрению этого характера труда Маркс посвящает следующий пункт своей работы. Поэтому мы сейчас оставим на время критическое рассмотрение категории общественно необходимого рабочего времени и вернемся к нему после изучения двойственного характера труда.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА

Первоначально товар предстал перед нами как нечто двойственное: как потребительная [стоимость] {значимость} и меновая стоимость. Впоследствии обнаружилось, что и труд, поскольку он выражен в стоимости, уже не имеет тех признаков, которые принадлежат ему, как создателю [стоимостей] {значимостей}. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказано мною ¹²⁾

¹²⁾ Карл Маркс. "К критике политической экономии". Берлин, 1859, стр.12, 13 и др. [см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., т. 13, стр.21, 22 и др.].

Так как этот пункт является отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии, то его следует осветить здесь более основательно.

Возьмем два товара, например один сюртук и 10 аршин холста. Пусть стоимость первого вдвое больше стоимости последних, так, что если 10 аршин холста = W , то сюртук = $2W$.

Сюртук есть потребительная [стоимость] {значимость}, удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом. Труд, полезность которого выражается, таким образом, в потребительной [стоимости] {значимости} его продукта, или в том, что продукт его является потребительной [стоимостью] {значимостью}, мы просто назовем полезным трудом. С этой точки зрения труд всегда рассматривается в связи с его полезным эффектом.

Как сюртук и холст - качественно различные потребительные [стоимости] {значимости}, точно также качественно различны между собой и обуславливающие их бытие работы: портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были качественно различными потребительными [стоимостями] {значимостями} и, следовательно, продуктами качественно различных видов полезного труда, то они вообще не могли бы противостоять друг другу, как товары. Сюртук не обменивают на сюртук, данную потребительную [стоимость] {значимость} - на ту же самую потребительную [стоимость] {значимость}.

В совокупности разнородных потребительных [стоимостей] {значимостей}, или товарных тел, проявляется совокупность полезных работ, столь же многообразных, разделяющихся на столько же различных родов, видов, семейств, подвидов и разновидностей, одним словом - проявляется общественное разделение труда. Оно составляет условие существования товарного производства, хотя товарное производство, наоборот, не является условием существования общественного разделения труда. В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами. Или возьмем более близкий

пример: на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда. Только продукты самостоятельных, друг от друга не зависимых частных работ противостоят один другому как товары.

Итак, в потребительной [стоимости] {значимости} каждого товара содержится определенная целесообразная производительная деятельность, или полезный труд. Потребительные стоимости не могут противостать друг другу как товары, если в них не содержатся качественно различные виды полезного труда. В обществе, продукты которого, как общее правило, принимают форму товаров, т.е. в обществе товаропроизводителей, это качественное видов полезного труда, которые здесь выполняются независимо друг от друга, как частное дело самостоятельных производителей, развивается в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Для сюртука, впрочем, безразлично, кто его носит, сам ли портной или заказчик портного. В обоих случаях он функционирует, как потребительная [стоимость] {значимость}. Столь же мало меняет отношение между сюртуком и производящим его трудом тот факт, что портняжный труд становится особой профессией, самостоятельным звеном общественного разделения труда. Там, где это вынуждалось потребностью в одежде, человек портняжил целые тысячелетия, прежде чем из человека сделался портной. Но сюртук, холст и вообще всякий элемент общественного богатства, который мы не находим в природе в готовом виде, всегда должен создаваться при посредстве специальной, целесообразной производительной деятельности, приспособляющей различные вещества природы к определенным человеческим потребностям. Следовательно, труд как созидатель потребительных [стоимостей] {значимостей}, как полезный труд, есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т.е. не была бы возможной сама человеческая жизнь.

Потребительные [стоимости] {значимости}: сюртук, холст и т.д., одним словом - товарные тела, представляют собой соединение двух элементов - вещества природы и труда. За вычетом суммы всей различных полезных видов труда, заключающихся в сюртуке, холсте и т.д., всегда остается известный материальный субстрат, который существует от природы, без всякого содействия человека. Человек в процессе производства может действовать лишь так, как действует сама природа, т.е. может изменять лишь формы веществ¹³⁾.

¹³⁾ "Все явления вселенной созданы ли они рукой человека или же всеобщими законами природы, не дают нам идеи о действительном соотношении материи, а дают лишь идею о ее видоизменении. Соединение и разделение - вот единственные элементы, которые обнаруживает человеческий разум, анализируя идею производства. Производство "стоимости (потребительной стоимости, хотя, полемизируя здесь с физиократами, Верри сам не знает толком, о какого рода стоимости он говорит) {теперь и мы можем поправить Маркса - не стоимости или потребительной стоимости, а потребительной значимости} " и богатства в одинаковой степени имеет место как в том случае, когда земля, воздух и вода превращается на полях в пшеницу, так и в том случае, когда под рукой человека клейкие выделения насекомых превращаются в шелковую ткань или когда отдельные кусочки металла соединяются вместе и образуют часовой механизм" (Pietro Verri. "Meditazioni sulla Economia Politica" (впервые напечатано в 1771 г.) в издании Кустоди сочинений итальянских экономистов, Parte Moderna, t. XV, p. 21, 22)

Более того. В самом этом труде формирования он постоянно опирается на содействие сил природы. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей значимостей, вещественного богатства. Труд есть отец богатства, как говорит Уильям Петти, земля - его мать.

К этой части данного пункта, в которой Маркс рассматривает качественную сторону труда, у нас нет претензий. Исключение составляет лишь то, что, как мы уже отмечали ранее, вместо термина потребительная стоимость здесь правильнее применять термин потребительная значимость. Совсем другое дело - вторая часть!

Перейдем теперь от товара, как предмета потребления к товарной стоимости.

Согласно нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем холст. Но это только количественная разница, которая нас пока не интересует. Мы напомним поэтому, что если стоимость одного сюртука равна двойной стоимости 10 аршин холста, то 20 аршин холста имеют ту же самую величину стоимости, что и один сюртук. Как стоимости сюртук и холст суть вещи, имеющие одну и ту же субстанцию, суть объективные выражения однородного труда. Но портняжество и ткачество - качественно различные виды труда. Бывают, однако, такие общественные условия, при которых один и тот же человек попеременно шьет и ткёт и где, следовательно, оба эти различные виды труда являются лишь модификациями труда одного и того же индивидуума, а не прочно обособившимися функциями различных индивидуумов, - совершенно так же, как сюртук, который портной шьет сегодня, и брюки, которые он делает завтра, представляют собой лишь вариации одного и того же индивидуального труда. Далее, ежедневный опыт показывает, что в капиталистическом обществе, в зависимости от изменяющегося направления спроса на труд, известная доля общественного труда предлагается попеременно, то в форме портняжества, то в форме ткачества. Это изменение формы труда не совершается, конечно, без известного трения, но оно должно совершаться. Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, - что он есть расходование **{определенного количества}** человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т.д. и в этом смысле - один и тот же человеческий труд. Это лишь две различные формы расходования человеческой рабочей силы. Конечно, сама человеческая рабочая сила должна быть более или менее развита, чтобы затрачиваться в той или иной форме. Но в стоимости товара представлен просто человеческий труд **{данного количества}**, затрата **{известного количества}** человеческого труда вообще.

Включением в текст данного абзаца дополнений в { } мы лишь подчеркиваем указание самого Маркса о том, что далее нас должна интересовать лишь количественная сторона труда. А что же сам Маркс? Он приводит пример с генералом или банкиром и простым человеком!

Подобно тому, как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек - очень жалкую¹⁴⁾, точно также обстоит здесь дело и с человеческим трудом.

¹⁴⁾ Ср. Hegel. "Philosophi des Rechts". Berlin, 1840, S.250, 190.

Но разве бытие генералом, банкиром или ткачом и портным не есть качественная форма существования человека вообще, как представителя рода homo sapiens? Разве не скрывается за внушительным видом генерала или банкира тот же самый просто человек, человек вообще? Разве не те же самые, т.е. всеобщие, присущие всем людям, затраты мозга, мускулов, нервов, рук создают стоимость продукта труда генерала или банкира? Разве не те же самые, просто человеческие, ткани и клетки, органы и системы обеспечивают затрату рабочей силы генерала и ткача? И разве не одни и те же биологические источники: белки, жиры и углеводы питают жизненные и рабочие силы и банкира и портного?

Рассматривая здесь труд лишь с количественной стороны мы должны видеть лишь количество этой затраты мозга, мускулов, нервов, рук, лишь количество затрат труда, затрат жизненной энергии, которые осуществляет тот или иной человек, будь-то генерал или трубочист, безразлично. И мы можем увидеть при этом, что в одних обстоятельствах в течение одного рабочего дня и генерал и трубочист затратят равное количество труда (мускулов, нервов, мозга, рук) и, следовательно, создадут равную стоимость. В то время как при других обстоятельствах, во время решающего сражения, генерал может затратить за день в два, в пять раз большее количество труда (мозга, нервов, голоса...) и наоборот. Согласившись (ввиду неумения измерять затрату энергии) измерять количество труда рабочим временем, мы и в этом

случае должны здесь видеть, что для выполнения данной конкретной работы, конкретной задачи разные банкиры, разные банкиры и разные трубочисты, а при различных обстоятельствах один и тот же банкир, генерал, трубочист затратят разное количество рабочего времени и, соответственно, создадут разные стоимости.

С учетом сказанного должно критически отнестись к положениям Маркса о простом и сложном труде.

Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее, для каждого определенного общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда ¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Читатель должен иметь в виду, что здесь речь идет не о заработной плате, или стоимости, которую рабочий получает, например, за один день, а о стоимости товаров, в которой овеществляется его рабочий день. Категория заработной платы вообще еще не существует для нас на данной ступени нашего изложения.

Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, - это избавит нас от необходимости сведения в каждом случае сложного труда к простому.

Правильнее было бы написать так.

Труд есть просто расходование рабочей силы, которой обладает телесный организм каждого человека. Всякое разделение труда на простой и сложный есть смешение его качественных и количественных характеристик, которое при рассмотрении стоимости труда недопустимо! Всякое подразумевание более сложного труда по сравнению с простым отражает качественную сторону труда, которая должна учитываться при рассмотрении потребительной значимости, создаваемой трудом.

Общественное значение, общественно-значимое качество продукта труда, потребительная значимость труда генерала или банкира могут быть и, как правило, являются значительно большими и, с этой точки зрения, с точки зрения количества времени, необходимого для освоения специфических приемов и методов их процесса производства, их труд может считаться и считается более сложным, чем потребительная значимость и труд трубочиста. Однако к количественной стороне двуединого процесса труда, к характеристике труда, как создателя стоимости, это не имеет никакого отношения.

Может быть, смутно догадываясь об этом, Маркс и сам уходит от дальнейшего использования понятий простой и сложный труд. Однако последствия его ошибочных представлений о простом и сложном труде, о среднем характере труда сказались при анализе понятия общественно-необходимое рабочее время, к рассмотрению которого мы сейчас и возвращаемся.

Читаем повторно у Маркса в первом пункте.

Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесконечных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая

рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует, как общественная средняя рабочая сила, следовательно, употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой либо потребительной стоимости при наличии общественно нормальных условий производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Но этот руд одинаков, он имеет характер среднего труда только ввиду нерассмотрения здесь его качественных различий. Это затрата здесь качественно одной и той же, абстрактно одинаковой рабочей силы. Но при этом в полной мере остаются количественные его отличия!

Каждая из этих индивидуальных рабочих сил употребляет на производство товара количественно индивидуально необходимое рабочее время. Общественно же необходимое рабочее время на производство данного товара, если оно кого-то интересует, может рассматриваться только как совокупное среднее индивидуально необходимое рабочее время всех производителей этого товара в обществе.

Вообще, общественно необходимое рабочее время это, с точки зрения диалектического материализма, такая же "фикция", как и "материя", "человечество", "общественное сознание" и т.п. Оно также, безусловно, подчиняется диалектике целого и части, единичного и всеобщего. Согласно этой диалектике индивидуально необходимое рабочее время всегда самостоятельной, всегда первичной, всегда является основой для выведения, для вычисления всякого группового или общественно необходимого рабочего времени!

А как об этом пишет Маркс?

Так, например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и поэтому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое.

Совершенно неверно!

Конечно же, данный конкретный английский ручной ткач и после введения кое-где или повсеместно парового ткацкого станка на производство данного количества ткани затрачивает прежнее количество своего индивидуального рабочего времени, прежнее количество мозга, мускулов, нервов, рук, по прежнему затрачивает на это производство прежнее количество рабочей силы и энергии, и **по прежнему создает такое же количество индивидуальной стоимости.** Последствия введения парового ткацкого станка скажутся на величине необходимого для производства тканей всем обществом рабочего времени. Оно понизится пропорционально возрастанию доли тканей, производимых машинным способом и степени соответствующего снижения затрат рабочей силы. **Но стоимость изготовления товара у каждого конкретного изготовителя всегда остается индивидуальной!**

Вообще, если какой-либо товар в обществе производят k изготовителей А, l изготовителей В и m изготовителей С в количествах a , b и c за рабочее время x , y , и z соответственно, то общественно необходимое на один сюртук рабочее время ОНВ определяется как:

$$\text{ОНВ} = (k*x/a + l*y/b + m*z/c) / (k + l + m),$$

притом, что индивидуально необходимое на один сюртук рабочее время у производителей А, В и С будет определяться:

$$\text{АНВ} = x / a; \quad \text{ВНВ} = y / b; \quad \text{СНВ} = z / c$$

Например, если 1-му производителю А для изготовления 10 сюртуков требуется 10 рабочих дней, каждому из 2-х производителей В для изготовления 11 сюртуков - 13 рабочих дней, а

каждому из 3-х производителей С для изготовления 12 сюртуков - 15 рабочих дней, то индивидуально необходимые времена, индивидуальные стоимости составят:

$$АНВ = 10 / 10 = 1 \text{ день}, \quad ВНВ = 13 / 11 = 1,18 \text{ дня}, \quad СНВ = 15 / 12 = 1,25 \text{ дня}$$

а общественно необходимое рабочее время:

$$ОНВ = (1 \cdot 10 / 10 + 2 \cdot 13 / 11 + 3 \cdot 15 / 12) / (1 + 2 + 3) = 1,186 \text{ дня}$$

В общем случае, как видим, общественно необходимое время не совпадает ни с одним индивидуально необходимым временем. Оно будет определено из всей совокупности индивидуальных и групповых необходимых времен тем точнее, чем большее количество индивидуальных и групповых времен будет учтено при этом подсчете, чем более это число приблизится к потенциально возможному и фактическому числу производителей данного товара в обществе.

(Строго говоря, точно рассчитать общественно необходимое рабочее время на производство одного даже товара даже в наше время компьютерных технологий и развивающейся глобальной информационной сети дело не из легких. Практически сделать это невозможно и поныне. Что уж говорить о таком расчете для тысяч, десятков и сотен тысяч всех изготавливаемых и потребляемых в обществе товаров. Индивидуально же необходимое рабочее время, индивидуально необходимые затраты труда (в денежном выражении) определяет каждый добросовестный изготовитель и отражает их в форме калькуляции затрат и себестоимости).

Читаем у Маркса далее.

Итак, величина стоимости данной потребительной [стоимости] **{значимости}** определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, **[общественно] {индивидуально}** необходимого для ее изготовления ⁹⁾.

⁹⁾ "Стоимость их" (предметов потребления), "когда они обмениваются один на другой, определяется количеством труда, необходимого и обычно употребляемого для их производства" (Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.". London, p. 36). Время издания этого замечательного анонимного произведения прошлого столетия не обозначено. Но из его содержания видно, что оно вышло в свет при George II, приблизительно в 1739 или 1740 году.

Каждый отдельный товар в данном случае имеет значение **{с точки зрения его стоимости}** лишь как **[средний] {отдельный}** экземпляр своего рода ¹⁰⁾.

¹⁰⁾ "Все продукты одного и того же рода образуют, в сущности, одну массу, цена которой определяется в целом, независимо от частных обстоятельств" (Le Trosne, цит. соч., стр.893).

Поэтому товары, в которых содержатся равные количества труда, или которые могут быть изготовлены в течение одного и того же рабочего времени, имеют одинаковую величину стоимости. Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара, как рабочее время необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго. "Как стоимости, все товары суть лишь определенные количества застывшего рабочего времени" ¹¹⁾

¹¹⁾ Карл Маркс. "К критике политической экономии". Берлин, 1859, стр.6 (см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том.13, стр.16).

В сноске ¹⁰⁾ Маркс дает цитату, которая, по существу, не имеет никакого отношения к обсуждаемой здесь категории стоимость. Не понятно, как он допускает такое цитирование! Ведь речь в ней идет о цене продуктов, а не об их стоимости. Цена, как политэкономическая категория в его и нашем рассмотрении пока отсутствует. В дальнейшем мы увидим: что справедливо для цены, не верно по отношению к стоимости.

Следовательно, величина стоимости товара оставалась бы постоянной, если бы было постоянным необходимое для его производства рабочее время. Но рабочее время изменяется с каждым изменением производительной силы труда. Производительная сила труда определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями. Одно и то же количество труда выражается, например, в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный - лишь в 4 бушелях. Одно и то же количество труда в богатых рудниках доставляет больше металла, чем в бедных и т.д. Алмазы редко встречаются в земной коре, и их отыскание стоит, поэтому в среднем большого рабочего времени. Следовательно, в их небольшом объеме представлено много труда. Джейкоб сомневается, чтобы золото оплачивалось когда-нибудь по его полной стоимости. С еще большим правом это можно сказать об алмазах. По Эшвеге, в 1823 г. цена всего продукта восьмидесятилетней разработки бразильских алмазных копей не достигала средней цены полуторагодового продукта бразильских сахарных или кофейных плантаций, хотя в первом было представлено гораздо больше труда, а, следовательно, и стоимости. С открытием более богатых копей то же самое количество труда выразилось бы в большем количестве алмазов и стоимость их понизилась бы. Если бы удалось небольшой затратой труда превращать уголь в алмаз, стоимость алмаза могла бы упасть ниже стоимости кирпича. Вообще, чем больше производительная сила труда, тем меньше рабочее время, необходимое для изготовления известного изделия, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его стоимость. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше рабочее время, необходимое для изготовления изделия, тем больше его стоимость. Величина стоимости товара изменяется, таким образом, прямо пропорционально количеству и обратно пропорционально производительной силе труда, находящего себе осуществление в этом товаре.

Уже ли эти замечательные слова принадлежат тому же Марксу, который страницей ранее отказал английскому ручному ткачу в эпоху паро-машинного ткачества на индивидуальную стоимость его труда и холста?! Ведь именно потому, что поскольку в силу каких-либо причин, его производительность труда оказалась ниже производительности труда его механизированных коллег, стоимость единицы его продукта будет выше стоимости единицы продукта последних. Ведь это написал 10-ю строчками выше сам Маркс! И при чем же здесь общественно-необходимое рабочее время, якобы усредняющее стоимость всех одновременно выпускаемых товаров одного рода?!

(Поистине, сколь сложным оказалось для человечества познание совокупных стоимостных категорий человеческого труда и его продукта, если такой "гигант" такой "матерый человешище", как Маркс так запутался в своих представлениях и повествованиях о них).

Далее Маркс пишет.

Вещь может быть потребительной [стоимостью] {значимостью} и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредованна трудом. Таковы: воздух, девственные леса, естественные луга, дикорастущий лес и т.д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную [стоимость] {значимость}, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. (И не только для других вообще. Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть - в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена ^{11a)})

^{11a)} Примечание к 4 изданию. Я вставил заключенные в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел, является товаром. Ф.Э.

Наконец, вещь [не] может быть стоимостью, не [будучи] {став} предметом потребления. [Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости.]

Сказал бы об этом Маркс, стоя лицом к лицу, например, перед многотысячным коллективом создателей многоцветной космической системы "Буран" в СССР. Сказал бы он им, что раз их детище не летало в космос, кроме одного испытательного полета, оно не несет в себе никакой стоимости, а значит, стоимость их многолетнего труда равна нулю и равна нулю вся затраченная ими рабочая сила, а значит, они не тратили за эти годы ни мозга, ни мускулов, ни нервов, ни рук...

В том то и "фокус", что даже если вещь оказалась не в полной мере полезной и даже вовсе бесполезной, стоимость ее остается такой же, как если бы она была потреблена обычным образом!

И снова Маркс.

2. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЗАКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ В ТОВАРАХ ТРУДА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Стало быть, как в стоимостях сюртука и холста исчезают различия их потребительных [стоимостей] {значимостей}, так и в труде, представленном в этих [стоимостях] {значимостях}, исчезают различия его различных форм - портняжества и ткачества. Если потребительные [стоимости] {значимости} сюртук и холст представляют собой лишь соединения целесообразной производительной деятельности с сукном и пряжей, то в качестве стоимостей сюртук и холст суть не более, как однородные сгустки труда; равным образом и в затратах труда, содержащихся в этих стоимостях, имеет значение не производительное их отношение к сукну и пряже, а лишь расходование человеческой рабочей силы. Элементами, создающими потребительные [стоимости] {значимости} сюртук и холст, пряжество и ткачество являются именно в силу своих качественно различных особенностей; субстанцией стоимости сюртука и холста они оказываются лишь постольку, поскольку происходит отвлечение от их особых качеств, поскольку они обладают одним и тем же качеством, качеством человеческого труда.

Но сюртук и холст - не только стоимости вообще, но и стоимости определенной величины: по нашему предположению, сюртук имеет вдвое большую стоимость, чем 10 аршин холста.

Откуда эта разница в величине их стоимости? Причина состоит в том, что холст содержит в себе лишь половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего надо затрачивать рабочую силу в течение вдвое более продолжительного времени, чем для производства первого.

Поэтому, если по отношению к потребительной [стоимости] {значимости} товара имеет значение лишь качество содержащегося в нем труда, то по отношению к величине стоимости имеет значение лишь количество труда, уже сведенного к человеческому труду без всякого дальнейшего качества. В первом случае дело идет о том, как совершается труд и что он производит, во втором случае - о том, сколько труда затрачивается, и сколько времени он продолжается. Так как величина стоимости товара выражает лишь количество заключающемся в нем труда, то взятые в известной пропорции товары всегда должны быть равновеликими стоимостями.

Если производительная сила всех полезных видов труда, необходимых для производства одного сюртука, остается неизменной, то величина стоимости сюртуков растет пропорционально их количеству. Если один сюртук представляет "х" рабочих дней, то 2 сюртука представляют "2х" рабочих дней и т.д. Но допустим, что труд, необходимый для производства одного сюртука, возрастает вдвое или падает наполовину. В первом случае

один сюртук стоит столько, сколько раньше стоили два сюртука, во втором случае два сюртука стоят столько, сколько раньше стоил один, хотя в обоих случаях услуги, оказываемые сюртуком, остаются неизменными, равно как остается неизменным и качество содержащегося в нем полезного труда. Но количество труда, затраченное на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной [стоимости] {значимости} составляет само по себе большее вещественное богатство: два сюртука больше, чем один. Двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним - только одного и т.д. Тем не менее, возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из-за двойственного характера труда. Производительная сила, конечно, всегда есть производительная сила полезного, конкретного труда и фактически определяет собой только степень эффективности целесообразной производительной деятельности в течение данного промежутка времени. Следовательно, полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы. Напротив, изменение производительной силы само по себе нисколько не затрагивает труда, представленного в стоимости товара. Так как производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы не изменялась его производительная сила. Но он доставляет при этих условиях в равные промежутки времени различные количества потребительных [стоимостей] {значимостей}: больше, когда производительная сила растет, меньше, когда она падает. То самое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда, а потому и массу доставляемых им потребительных [стоимостей] {значимостей}, уменьшает, следовательно, величину стоимости этой возросшей массы, раз оно сокращает количество рабочего времени, необходимого для ее производства. И наоборот.

Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, - и в этом своем качестве одинакового, или абстрактно человеческого, труд образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, расходование человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в этом своем качестве конкретного полезного труда он создает потребительные [стоимости] {значимости} ¹⁶⁾.

¹⁶⁾ Примечание ко второму изданию. Чтобы доказать, "что один лишь труд является окончательной и реальной мерой, посредством которой мы можем оценивать и сравнивать между собой стоимости всех товаров во все времена", А. Смит пишет: "Одинаковые количества труда должны иметь во все времена и во всех местах одинаковую стоимость для рабочего. При нормальном состоянии здоровья, силы, деятельности и при средней степени умения, которыми он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и своего счастья" ("Wealth of Nations", v.1, ch.V). С одной стороны, А. Смит смешивает здесь (но не везде) определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда и поэтому старается доказать, что равные количества труда всегда имеют одну и ту же стоимость. С другой стороны, он чувствует, что труд, поскольку он выражается в стоимости товаров, означает лишь затрату рабочей силы, но эту затрату он изображает опять-таки лишь как пожертвование покоем, свободой и счастьем, не видя в этой затрате также и нормальной жизнедеятельности. Правда, перед его глазами был современный наемный рабочий. - Гораздо удачнее рассуждает в данном вопросе цитированный в примечании 9) анонимный предшественник А. Смита: "Некто потратил неделю на приготовление данного предмета потребления... и тот, кто предлагает ему в обмен какой-либо другой предмет, лучше всего оценит, что является надлежащим эквивалентом первому предмету, если высчитает, какое количество его предмета стоило ему того же труда (labour) и времени. Дело сводится здесь к тому, что труд, затрачивавшийся одним человеком на производство данной вещи в течение известного времени, обменивается на труд другого человека, затрачивавшийся в течение того

же времени на производство другой вещи" ("Some Thoughts on the Interest of Money in general etc." , p.39).

(К 4 изданию. Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости значимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work. Ф.Э.)

3. ФОРМА {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ, ИЛИ МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ

Читателю может показаться совершенно неуместным наше дополнение этого заголовка Маркса словом "потребительной". Мы будем доказывать и правомерность, и необходимость такого дополнения в рамках всего этого пункта и вне него. Сейчас же предлагаем вновь вернуться к прочтению текста "Капитала".

Товары являются на свет в форме потребительных стоимостей значимостей, или товарных тел, каковы железо, холст, пшеница и т.д. Это их доморощенная натуральная форма. Но товарами они становятся лишь в силу своего двойственного характера, лишь в силу того, что они одновременно и предметы потребления и носители стоимости. Следовательно, они являются товарами, или имеют товарную форму, лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой - натуральной формой и формой стоимости.

Стоимость (Wertgegenstandlichkeit) товаров тем отличается от вдовицы Куикли, что не знаешь, как за нее взяться. В прямую противоположность чувственно грубой предметности товарных тел, в стоимость (Wertgegenstandlichkeit) не входит ни одного атома вещества природы. Вы можете ощупывать и разглядывать каждый отдельный товар, делать с ним, что вам угодно, он как стоимость (Wertding) остается неуловимым. Но если мы припомним, что товары обладают стоимостью (Wertgegenstandlichkeit) лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства - человеческого труда, что их стоимость (Wertgegenstandlichkeit) имеет, поэтому чисто общественный характер, то для нас станет само собой понятным, что и проявляться она может лишь в общественном отношении одного товара к другому.

Так думал и так писал Маркс. Но соответствует ли это действительности? Являются ли эти утверждения истинными?

Посмотрим и пощупаем, как предлагает он, какой-либо товар, например, сюртук. Мы видим, прежде всего, что это вещь, всем своим обликом указывающая на свое "неприродное", искусственное происхождение, на активную деятельную причастность к ее появлению на свет человека, даже многих людей. С большим допущением можно было бы сравнить сюртук с медвежьей шкуркой, но и в этом случае невозможно не понимать, что медведь сам по своей воле и своими собственными стараниями не выпрыгнет из нее и не преподнесет вам ее, как портной сюртук, к положенному сроку. В каждой детали сюртука, в каждом изгибе его формы, в каждом элементе отделки обнаруживается умелое (или не очень!) приложение человеческих рук, мозга, мышц, нервов и т.д., в целом, человеческого труда.

Но, может быть, наши далекие предки не были достаточно цивилизованы, чтобы обнаружить в рассматриваемом предмете присутствие труда?

Представим себе тогда первобытного человека, которому для утоления голода представляется возможность или залезть на пальму за гроздь бананов или взять такие же бананы, оставленные у входа в его пещеру. Даже примитивнейшего мышления этого полудикого существа окажется достаточным, чтобы понять разницу в количестве затрат мозга, нервов, мышц, лап и т.д. для потребления бананов в одном и другом случаях. А что это, как не косвенное признание наличия в бананах, лежащих рядом, овеществленного труда по их снятию с дерева?

Даже минимальных возможностей мозга животных хватает на то, чтобы понять разницу в более доступной и менее доступной пище, как бы "просчитать" наличие в более доступной пище потенциально необходимых для ее доставки затрат, если не животного труда, то звериных мышц, мозга, нервов, лап и т.д.

Таким образом, сам факт присутствия в каждом продукте овеществленного всеобщего абстрактного человеческого труда, труда, как затраты человеческой рабочей силы в ее всеобщей абстрактной форме определяется каждым человеком практически безошибочно и почти мгновенно, на уровне подсознания.

Другое дело, когда речь идет о количестве этого труда, этих затрат. Этот процесс занимает значительно больше времени и точность оценки может колебаться в самых широких пределах. Мы можем очень убедительно говорить о том, что и в холсте и в сюртуке, явным образом отличающихся от множества других предметов, представляемых человеку природой в готовом виде, присутствует человеческий труд и, следовательно, стоимость. Мы можем убедительно уверять сомневающихся в том, что величина стоимости сюртука, безусловно, больше стоимости того количества холста, из которого сюртук пошит. Но какова стоимость одного и другого и насколько стоимость одного больше стоимости другого? Мы точно знаем, что стоимость сюртука с золотым шитьем больше стоимости такого же простого сюртука. Но на сколько больше? Какова стоимость одного и какова другого?

Более определенно люди могут судить о величине стоимости продуктов, к изготовлению которых они имеют то или иное отношение, о затратах труда на производство которых они имеют ту или иную информацию.

Наконец, наиболее точно величину стоимости продукта знают его изготовители (если они, конечно, могут и хотят посчитать затраты своего рабочего времени на его производство).

Товары действительно, как пишет Маркс, обладают стоимостью лишь постольку, поскольку они суть выражения одного и того же общественного единства - человеческого труда. Но это единство имеет место только в рамках отвлеченности от качественных различий различных видов труда. С количественной же стороны этот качественно однородный и всеобщий характер труда проявляется в громадном множестве индивидуальных различий, индивидуальных величин. Поэтому стоимость имеет общественный характер всеобщего человеческого характера в смысле безотносительности к форме затрат труда и личности или общественного статуса субъекта трудовой деятельности. Поэтому всякий и любой труд всякого и любого работающего человека создает стоимость.

Однако, стоимость имеет индивидуальный характер с точки зрения индивидуальных особенностей в количестве затрат труда каждого конкретного производителя при изготовлении каждой конкретной единицы продукции. И с этой точки зрения некоторые более или менее точные относительные представления о стоимости товара проявляются в некоторых особенных вещественных, натуральных, телесных его свойствах, обнаруживаемых и изготовителем и потребителем. Поэтому обнаружения стоимости в товарах нам нет необходимости брать товары в их общественном меновом отношении друг к другу. Достаточно установить индивидуальные затраты их изготовителей.

Для чего, действительно, необходимо соотносить товары в процессе индивидуального или общественного обмена, так это для установления их индивидуальной или общественной потребительной стоимости в предложенном нами стоимостном, а не вещественном, как у Маркса, понимании этой категории.

Но об этом - несколькими страницами ниже.

Маркс утверждает далее.

В самом деле, мы исходим из меновой стоимости, или менового отношения товаров, чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости. Мы должны возвратиться теперь к этой форме проявления стоимости.

Попытаемся и мы, вслед за Марксом, исследовать меновое отношение товаров, процесс обмена, чтобы выяснить, что действительно скрывается за обменом товаров и что не смог

увидеть автор "Капитала". Для этого, несколько отступая от структуры марксовой работы, мы обратимся здесь к первой части главы второй, изучающей процесс обмена.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПРОЦЕСС ОБМЕНА

Товары не могут сами отправляться на рынок и обмениваться. Следовательно, мы должны обратиться к их хранителям, к товаровладельцам. Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека. Если они не идут по своей охоте, он может употребить силу, т.е. взять их ³⁷⁾

³⁷⁾ В XII веке, столь прославленном своим благочестием, между товарами часто попадались очень деликатные вещи. Так, например, один французский писатель того времени среди товаров, находившихся на ярмарке Ланди, называет наряду с материями, сапогами, кожами, сельскохозяйственными орудиями, шкурами и т.п. также "femmes folles de leur corps" (публичных женщин).

Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу, как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, - все равно закреплен ли он законом или нет, - есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением ³⁸⁾.

³⁸⁾ Прудон сначала черпает свой идеал вечной справедливости, justice eternele, из юридических отношений, соответствующих товарному производству, чем дает, кстати сказать, столь утешительное для всех филистеров доказательство того, что форма товарного производства столь же вечна, как справедливость. Затем он старается, наоборот, преобразовать в соответствии с этим идеалом справедливости действительное товарное производство и соответствующее ему действительное право. Что мы сказали бы о химике, который, вместо того, чтобы исследовать действительные законы обмена веществ и разрешать на основе их определенные задачи, захотел бы преобразовать обмен веществ сообразно "вечным идеям" "naturalite" и "affinite" ("естества" и "сродства")? Когда нам говорят, что ростовщичество противоречит "justice eternelle" ("вечной справедливости"), "equite eternelle", "manualite aternelle" ("вечной правде", "вечной взаимности") и другим "verites eternelles" ("вечным истинам"), то разве мы узнаем о ростовщичестве хоть немного больше, чем знали еще отцы церкви, когда говорили, что ростовщичество противоречит "grace eternelle", "foi eternelle", "volonte eternelle de Dieu" ("вечному милосердию", "вечной вере", "вечной воле божьей")?

Лица существуют здесь одно для другого лишь как представитель товаров, т.е. как товаровладельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц - это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу.

Товаровладельца отличает от его товара именно то обстоятельство, что для товара каждое другое товарное тело служит лишь формой проявления его собственной **{потребительной}** стоимости. Прирожденный уравнитель и циник, товар всегда готов обменять не только душу, но и тело со всяким другим товаром, хотя бы этот последний был наделен наружностью, еще менее привлекательной, чем у Мариторнес. Эту отсутствующую у товара способность воспринимать конкретные свойства других товарных тел товаровладелец пополняет своими собственными пятью и даже более чувствами. Его товар не имеет для него самого непосредственной потребительной стоимости. Иначе он не вынес бы его на рынок. Он имеет **{потребительную значимость}** и потребительную стоимость для других. Для

владельца вся непосредственная потребительная стоимость товара заключается лишь в том, что он есть носитель меновой стоимости и, следовательно, средство обмена ³⁹⁾.

³⁹⁾ "Ибо двояко употребление каждого блага. - Первое присуще вещи как таковой, второе - нет; так, сандалия может служить для обувания ноги и для обмена. То и другое суть потребительные стоимости сандалии, ибо даже тот, кто обменивает сандалию на что-либо, в чем он нуждается, например, на пищу, пользуется сандалией как сандалией. Но это не есть естественный способ ее употребления. Ибо она существует не для обмена." (Aristoteles. "De Republica", кн. 1, гл. 9).

Поэтому владелец стремится сбыть свой товар в обмен на другие, в потребительной стоимости которых он нуждается. Все товары суть не потребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладеющих. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки. Но этот переход из рук в руки составляет их обмен,...

Здесь, по нашему мнению, Маркс должен был бы остановиться в своих рассуждениях и внимательно проанализировать предпосылки, условия, процедуру обмена, а уже затем делать выводы о том, какие характеристики товара и как проявляются в обмене. Однако он этого не делает и поспешно продолжает.

... а в обмене они относятся друг к другу как стоимости и реализуются как стоимости. Значит, товары должны реализоваться как стоимости, прежде чем они получают возможность реализоваться как потребительные стоимости.

С другой стороны, прежде чем товары смогут реализоваться как стоимости, они должны доказать наличие своей потребительной стоимости, потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других. Но является ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности, - это может доказать лишь обмен.

Вот и получается замкнутый круг! Чтобы произошел обмен, товары должны соотноситься, как стоимости. Чтобы соотноситься как стоимости, они должны доказать свою потребительную стоимость, а это может доказать лишь обмен...

Здесь мы вновь обнаруживаем уже отмечавшуюся нами ранее противоречивость в марксовых представлениях о потребительной стоимости. Если потребительная стоимость, как утверждает Маркс, определяется натуральными, телесными свойствами продукта, то наличие какой потребительной стоимости должны доказать товары при обмене? Разве собственная их материальная форма, приобретенная ими в процессе их производства, не свидетельствует однозначно об их предназначенности удовлетворять определенные потребности людей. И разве зависит эта предназначенность и способность от обмена и потребления? Разве не остаются вещественные свойства продукта одинаковыми и постоянными и в руках производителя и в руках потребителя?

С другой стороны, и самому Марксу понятно, что для участников обмена важна не только потенциальная потребительная и всеобщая предназначенность и способность их товара удовлетворять потребности людей, но и реальная, фактическая, конкретная способность его удовлетворять конкретную потребность данного конкретного потребителя в данных конкретных условиях и обстоятельствах. (Как тут не вспомнить, например: "Дорого яичко да к Христову дню" или "что хорошо немцу - то русскому ...", и как тут не представить украинца, упорно предлагающего свой шматок сала благоверному мусульманину, да еще в период великого поста?)

Напомним, что выше мы предложили способ разрешения этого противоречия. Абстрактную, принципиальную, потенциальную всеобщую потребительную полезность и способность продукта удовлетворять какую-либо потребность людей, человека вообще мы определили как потребительную значимость. Реальную же, фактическую, подтвержденную, конкретную способность продукта удовлетворять потребность конкретного потребителя в конкретных

условиях и обстоятельствах мы определили как потребительную стоимость. Именно эта конкретная потребность данного потребителя в данном конкретном продукте другого производителя соотнесенная со стоимостью своего продукта, предлагаемая взамен получаемого и получающая, таким образом, стоимостную форму, т.е. стоимостная потребительная стоимость и обнаруживается в процессе обмена.

Но для Маркса существует только одна невещественная характеристика товара - стоимость и он упорно выставляет именно ее важнейшей компонентой процесса обмена.

Каждый товаровладелец хочет сбыть свой товар лишь в обмен на такие товары, потребительная стоимость которых удовлетворяет его потребности. Постольку обмен является для него чисто индивидуальным процессом. С другой стороны, он хочет реализовать свой товар как стоимость, т.е. реализовать его в другом товаре той же стоимости, независимо от того, имеет ли его собственный товар потребительную стоимость для других товаров или нет. Постольку обмен является для него всеобщим общественным процессом. Но один и тот же процесс не может быть одновременно для всех товаровладельцев только индивидуальным и только всеобщим общественным.

Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар - роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались бы друг с другом как величины стоимости. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты, или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают как Фауст: "В начале было дело". И они уже делали дело, прежде чем начали рассуждать. Законы товарной природы проявляются в природном инстинкте товаровладельцев. Они могут приравнять свои товары друг к другу как стоимости, а значит, и как товары, лишь относя их к какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товаров. Но только общественное действие может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественное действие всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости. Тем самым натуральная форма этого товара становится общественно признанной формой эквивалента. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами.

"Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю". "И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его" (Апокалипсис).

Только теперь Маркс сознается, что поставил себя и всех товаровладельцев своим пониманием содержания процесса обмена товаров в затруднительное положение (Из которого те, правда, выходят благодаря - о чудо! - природному инстинкту. Неправда ли, сильнейший ход в рассуждениях закоренелого материалиста?!). С его точки зрения, до тех пор, пока длительным общественным действием товаров один из них не превращается во всеобщий эквивалент, в деньги, товары не могут сравниваться друг с другом как стоимости и обмениваться как величины стоимости. До появления денег предметы противостоят друг другу, а, следовательно, обмениваются не как товары, а только как продукты или потребительные стоимости (по Марксу), а в нашем понимании - потребительные значимости.

Интересно было бы спросить Маркса, какие именно деньги он при этом имел в виду? Золото, серебро, медь, слоновую кость, раковины, рабов или скот? И когда именно произошел этот перелом в содержании процесса обмена?

Может быть тогда, когда некоторые кочевые племена впервые при обмене со своими соседями стали использовать в качестве наиболее часто предлагаемого продукта свой скот? Значит, до этого они обменивали свои продукты как потребительные значимости, а после этого

- как стоимости, как воплощение общественно необходимого для их производства рабочего времени? А другие народы, использующие в это же время при обмене скот менее систематически? Они обменивали его по потребительной значимости или по стоимости?

Увы, полнее того, как Маркс уже ответил на все эти и подобные им вопросы, он уже не ответит. Отвечать на них каждый раз по-своему, все более и более точно, будут и наши современники, и наши потомки. Попытаемся сделать это и мы.

Прежде всего, вспомним, что на самых ранних стадиях развития общества все необходимые и потребляемые каждым человеком продукты производились им самостоятельно. При этом отсутствовал и обмен продуктами между людьми. Каждая потребность удовлетворялась им самим. На ее удовлетворение, т.е. на получение конкретного продукта затрачивалось индивидуально необходимое рабочее время, в течение которого затрата человеческой рабочей силы с точки зрения качественной составляющей процесса труда воплощалась, материализовалась в конкретные продукты, в конкретные потребительные значимости и, с точки зрения количественной составляющей процесса труда, выкристаллизовывалась как стоимость этих продуктов, этих потребительных значимостей. Таким образом, затраты рабочего времени на удовлетворение каждой конкретной потребности человека составляли столько рабочего времени, сколько ему самому требовалось для изготовления данной потребительной значимости. Иными словами, потребительная стоимость данной потребительной значимости при этом количественно равнялась ее стоимости.

По мере дальнейшего развития общества, по мере возникновения все новых и новых потребностей человека, по мере развития самого человека, его мозга, мышц, рук, нервов и т.д., по мере роста производительной силы его труда часть продуктов могла и производилась им в избытке. С другой стороны, всегда могла возникнуть и нехватка отдельных продуктов (из-за стихийных бедствий, несчастных случаев и т.п.). Часть ставших необходимыми потребительных значимостей по разным причинам и не могла быть произведена самим потребителем. К тому же всегда существовал риск потерь от различных способов силового удовлетворения потребностей (набеги, захваты, войны). Все это вместе взятое обуславливало необходимость и возможность обмена различными продуктами между различными их производителями.

Здесь необходимо заметить, что, как и в случае с возникновением собственно трудовой деятельности, собственно процесса труда, главным побудительным мотивом возникновения обмена было стремление человека удовлетворить свои потребности, неудовлетворенные в той или иной степени, по той или иной причине. Как невозможно представить себе, чтобы, например, лев в африканской саванне, насытившись одной половиной туши антилопы, сначала припрятывал другую, а затем тащил ее на "рынок" (хотя бы и звериный) для обмена на возможность утолить жажду из пересыхающего источника, так невозможно представить себе и человекообразную обезьяну, несущую на звериный рынок связку недоеденных бананов в надежде обменять ее на один-два апельсина.

Как у животных сплошь и рядом непотребленные ими избыточные потребительные значимости пропадают или достаются другим членам звериного сообщества, а не подталкивают их к необходимости обмена, так и человека, тем более раннего, на рынок толкает не желание реализовать свой труд, созданную своим трудом и оказавшуюся избыточной потребительную значимость и стоимость, а желание удовлетворить свою потребность, получить недостающий ему продукт, потребительную значимость. Другое дело, что, придя на место обмена, он обнаруживает там других искателей таких же и иных потребительных значимостей и убеждается, что получить недостающую потребительную значимость он может там лишь в обмен на отчуждаемый им продукт своего собственного труда, возможно представляющий потребность для других участников обмена.

В качестве примера, представим себе жителей двух соседних первобытных деревень, каждый из которых в равной степени удовлетворяет свои потребности в дичи и рыбе за счет охоты и рыбной ловли. Так как оба они проживают в похожих условиях, охотятся и ловят рыбу в одинаково богатых дичью и рыбой местностях, то можно допустить, что затраты рабочего времени на добычу и потребление ими порции дичи и порции рыбы (стоимость и потребительная стоимость) одинаковы, равны, например, один день и известны им обоим.

Предположим теперь, что в силу каких-либо обстоятельств, у одного из них оказывается недостаток в порции дичи и избыток в порции рыбы, а у другого - наоборот. Первый из них вполне удовлетворяет потребность в рыбе, второй в дичи. Но первому не достает дичи, второму - рыбы. Избыток каждого продукта вполне мог бы пропасть, как это часто могло случаться и раньше. За недостающим же продуктом они отправляются на "рынок". Здесь выясняется, что недостающую первому порцию дичи он может покрыть избытком в порцию дичи у второго субъекта в обмен на собственный избыток в порцию рыбы, недостающую второму. Каждый может получить то, что хочет. И особенно радуется обоим то, что, поскольку оба знают стоимость изготовления обоих продуктов друг у друга, потребительная значимость в порцию дичи стоимостью и потребительной стоимостью один день обменивается на потребительную значимость в порцию рыбы стоимостью и потребительной стоимостью один день. Этот вариант обмена, практически, не отличается от случая потребления продуктов самими изготовителями.

Представим себе теперь двух жителей "А" и "В" сравнительно отдаленных деревень, которые производят одни и те же продукты, например, "а" и "в" и сами их и потребляют. Пусть оба жителя производят и потребляют за первые 10 дней 10 единиц продукта "а", а за последующие 10 дней 10 единиц продукта "в". При этом стоимость и потребительная стоимость каждого продукта и для "А" и для "В" равна 1 дню. Но из-за значительной отдаленности деревень "А" и "В" не знают о фактических затратах рабочего времени на производство этих продуктов друг другом.

Предположим теперь, что в силу каких-либо благоприятных изменений в производительной силе труда житель "А" стал производить за 10 дней 12 единиц продукта "в", а житель "В" - 13 единиц продукта "а".

Теперь у жителя "А" стоимость: Ст "а"(А)=10/10=1 день; Ст "в"(А)=10/12=0,83 дня

У жителя "В" стоимость: Ст "а"(В)=10/13=0,77 дня; Ст "в"(В)=10/10=1 день

Предположим также, что потребности наших жителей в обоих продуктах возросли одинаково и теперь оба они хотят потреблять по 11 единиц продуктов "а" и "в".

Возросшую потребность в одном из продуктов наши жители удовлетворяют за счет собственного производства и у них еще остается:

у "А" остается $12-11=1$ единица продукта "в" стоимостью 0,83 дня и потребительной стоимостью для него = 0;

у "В" остается $13-11=2$ единицы продукта "а" стоимостью $2*0,77=1,54$ дня и потребительной стоимостью для него = 0.

Оба жителя испытывают потребность в недостающих им продуктах: "А" нуждается в 1 единице продукта "а"; "В" - в 1 единице продукта "в".

Они, конечно, могли бы покрыть эти потребности за счет собственного производства, затратив на это дополнительно соответственно: "А" - 1 день и "В" - 1 день, сократив, например, время на отдых, но могут попытаться получить недостающие продукты и на рынке. Житель "А" выносит на рынок 1 единицу продукта "в", "В" - 112 единицы продукта "а".

При этом, "А" точно знает стоимость своего избыточного продукта "в" = 0,83 дня и стоимость недостающего ему продукта "а" в его собственном производстве = 1 день, которая в данном случае выступает, как потребительная стоимость жителя "А" в продукте "в". Потребительную стоимость своего избыточного продукта "в" для жителя "В" он точно не знает, для себя же самого она = 0. Стоимость недостающего ему продукта "а" в производстве жителя "В" он не знает вовсе.

"В" точно знает стоимость своего избыточного продукта "а" = $2*0,77=1,54$ дня и стоимость недостающего ему продукта "в" в своем изготовлении = 1 день, которая выступает, как потребительная стоимость жителя "В" в продукте "а". Потребительную стоимость своего избыточного продукта "а" для жителя "А" он точно не знает, для себя же самого она = 0. Стоимость продукта "в" в производстве жителя "А" он не знает вовсе.

Увидев на рынке друг у друга недостающие им продукты, наши герои, забыв от радости про все остальное, чуть было сразу же не обменялись ими. Но тут житель "В" призадумался. Ведь,

во-первых, он отдал бы 2 единицы своего продукта "а", получив взамен только 1 единицу продукта "в". Во-вторых, как бы ни хотелось ему получить недостающий продукт "в", отдавать за него свой труд = 1,54 дня, в то время как он сам затратил бы на его изготовление лишь 1 дополнительный день, ему жалко. Вот если бы он отдал всего только 1 единицу продукта "а" стоимостью = 0,77 дня?!

А что же житель "А"? Он, конечно же, рад был бы получить даже больше, чем ему нужно - 2 единицы продукта "а" в обмен на 1 единицу своего продукта "в", т.е. получить за свой труд = 0,83 дня продукты, на которые ему самому пришлось бы дополнительно затратить $2 \cdot 1 = 2$ дня. Но уж если житель "В" на это никак не соглашается, то его устроит даже вариант: 1 единица продукта "а" на 1 единицу продукта "в". Ведь и в этом случае "А" отдает свой труд = 0,83 дня, получая недостающий ему продукт, который ему самому обошелся бы 1 день дополнительного рабочего времени.

Такой вариант обмена устраивает обоих. Оба считают сделку выгодной, ибо каждый получает больше, чем отдает, т.е. каждый отдает своего рабочего времени меньше, чем затратил бы сам при собственном изготовлении получаемого им продукта. Но никто не знает точно, насколько она выгодна партнеру. В конце концов, соображения собственной реальной выгоды берут верх над опасениями выиграть меньше, чем партнер.

Обмен 1 единицы продукта "а" на 1 единицу продукта "в" состоялся. При этом обмениваются РАВНЫЕ ДЛЯ ОБОИХ ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СТОИМОСТИ В 1 ДЕНЬ И НЕРАВНЫЕ СТОИМОСТИ 0,77 ДНЯ И 0,83 ДНЯ.

При посредстве производства и обмена теперь оба жителя потребляют по 11 единиц продуктов "а" и "в" каждый, притом, что первый недопроизводит 1 единицу продукта "а" и перепроизводит 1 единицу продукта "в", а второй недопроизводит 1 единицу продукта "в" и перепроизводит 2 единицы продукта "а". При этом жителю "А" потребление дополнительной единицы продукта "а" стоит 0,83 дня вместо 1 своего дополнительного дня. Жителю "В" потребление дополнительной единицы продукта "в" стоит 0,77 дня вместо 1 своего дополнительного 1 дня. Кроме того, у него остается в запасе еще 1 единица продукта "а" стоимостью 0,77 дня, которой он может воспользоваться, например, при обмене с третьим лицом.

Из рассмотренного примера можно сделать следующие выводы.

Во-первых, при обмене продукты приравниваются не как стоимости, а как потребительные стоимости.

Во-вторых, потребительная стоимость чужого продукта устанавливается участниками обмена иногда (как в этом примере) на основе собственных затрат на изготовление такого продукта, чаще, когда такой продукт сам получатель не производит, - по ориентировочным, приблизительным, ориентировочным расчетам на основе имеющейся у покупателя информации о возможных фактических затратах изготовителя, других изготовителей данной продукции с поправкой на собственные конкретные условия и обстоятельства. Поэтому, чем менее достоверна информация потребителя о фактической стоимости получаемого им продукта, чем большее значение он имеет для него в данных условиях и обстоятельствах, тем больше отличается потребительная стоимость данного продукта для данного конкретного потребителя от фактической стоимости этого продукта у изготовителя!

В-третьих, благодаря обмену его участникам удается, с одной стороны, удовлетворить свою даже возросшую потребность и даже в том продукте, который они сами недопроизводят и, с другой стороны, удовлетворить эту потребность, затрачивая меньшее рабочее время, чем если бы они сами производили данный продукт. В нашем примере для "А" эта экономия составила $1 - 0,83 = 0,17$ дня, для жителя "В" - $1 - 0,77 = 0,23$ дня. Часть этого сэкономленного в процессе более специализированного и производительного производства и высвобожденного при посредстве обмена рабочего времени затрачивается собственно на обмен и фактически добавляется к стоимости обмениваемых продуктов. Другая часть оказывается собственно высвобожденным рабочим временем, которое может использоваться или для отдыха или для совершенствования себя и своего производства, в том числе и ПОЗНАНИЯ. Именно эта экономия рабочего времени, возникающая из-за роста производительной силы труда,

закрепляет разделение труда между субъектами производства и служит источником покрытия расходов на обмен товаров и экономическим источником прогрессивного развития общества.

Теперь, после рассмотрения предпосылок, условий и обстоятельств обмена продуктов мы можем продолжить рассмотрение п.3 главы 1 "Капитала" с тем, чтобы критически воспринять представления Маркса о меновой стоимости.

Маркс пишет там.

Каждый знает - если он даже ничего более не знает, - что товары обладают общей им всем формой стоимости, резко контрастирующей с пестрыми натуральными формами их потребительных [стоимостей] {значимостей}, а именно: обладают денежной формой стоимости. Нам предстоит здесь совершить то, чего буржуазная политическая экономия даже и не пыталась сделать, - именно показать происхождение этой денежной формы, т.е. проследить развитие выражения {потребительной} стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного образа и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег.

Простейшее стоимостное отношение есть, очевидно, стоимостное отношение товара к какому-нибудь одному товару другого рода - все равно какого именно. Стоимостное отношение двух товаров дает, таким образом, наиболее простое выражение {потребительной} стоимости данного товара.

А. ПРОСТАЯ, ЕДИНИЧНАЯ, ИЛИ СЛУЧАЙНАЯ, ФОРМА {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ {ОДНОГО ТОВАРА}

x товара А = y товара В, или: x товара А стоит y товара В. (20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят одного сюртука.)

1) ДВА ПОЛЮСА ВЫРАЖЕНИЯ {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ: ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Тайна всякой формы {потребительной} стоимости заключена в этой простой форме {потребительной} стоимости. Ее анализ и представляет, поэтому главную трудность.

Два разнородных товара А и В, в нашем примере холст и сюртук, играют здесь, очевидно, две разные роли. Холст выражает свою {потребительную} стоимость в сюртуке, сюртук служит материалом для этого выражения {потребительной} стоимости. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. {Потребительная} стоимость первого товара представлена как относительная {потребительная} стоимость, или он находится в относительной форме {потребительной} стоимости. Второй товар функционирует как эквивалент, или находится в эквивалентной форме.

Относительная форма {потребительной} стоимости и эквивалентная форма - это соотносительные, взаимно друг друга обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время друг друга исключают или противоположные крайности, т.е. полюсы одного и того же выражения {потребительной} стоимости; они всегда распределяются между различными товарами, которые выражением {потребительной} стоимости ставятся в отношении друг к другу. Я не могу, например, выразить {потребительную} стоимость холста в холсте. 20 аршин холста = 20 аршин холста не есть выражение {потребительной} стоимости. Это уравнение скорее говорит наоборот: 20 аршин холста есть не что иное, как 20 аршин холста, т.е. определенное количество предмета потребления - холста. Следовательно, {потребительная} стоимость холста может быть выражена лишь относительно, т.е. в

другом товаре. Относительная форма **{потребительной}** стоимости холста предполагает поэтому, что какой-нибудь иной товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот иной товар, фигурирующий в качестве эквивалента, не может в то же время находиться в относительной форме **{потребительной}** стоимости. Не он выражает свою **{потребительную}** стоимость. Он доставляет лишь материал для выражения **{потребительной}** стоимости другого товара.

Правда, выражение 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят 1 сюртука, включает в себя и обратное отношение: 1 сюртук = 20 аршин холста, или 1 сюртук стоит 20 аршин холста. Но мне приходится, таким образом, перевернуть уравнение для того, чтобы дать относительное выражение **{потребительной}** стоимости сюртука, и, раз я это делаю, холст вместо сюртука становится эквивалентом. Следовательно, один и тот же товар в одном и том же выражении **{потребительной}** стоимости не может принимать одновременно обе формы. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Находится ли данный товар в относительной форме **{потребительной}** стоимости или в противоположной ей эквивалентной форме - это зависит исключительно от его места в данном выражении стоимости, т.е. от того, является ли он товаром, **{потребительная}** стоимость которого выражается, или товаром, в котором выражается **{потребительная}** стоимость.

До сих пор в этом пункте "Капитала" мы пытались восстановить истинное содержание отношений двух обмениваемых товаров, как мы делали это и раньше, посредством замены или дополнения текста отдельными словами. Здесь же, на наш взгляд, необходимы более обширные пояснения.

Маркс делает здесь категорический вывод о том, что в меновом отношении двух товаров каждый из них находится **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ОДНО**, полярно противоположной форме стоимости: первый в относительной, второй - в эквивалентной. Даже то обстоятельство, что в "перевернутом" виде в меновом отношении те же товары занимают противоположные места и выполняют противоположные функции и, казалось бы, должны менять свою форму потребительной стоимости на противоположную, серьезно не влияет на эту его убежденность. Видите ли, при этом ему приходится "перевернуть" уравнение, а это, якобы, все меняет и все решает.

Но нужно ли в действительности что-либо переворачивать в меновом отношении двух товаров? А что если просто **ВСТАТЬ И НА ТОЧКУ ЗРЕНИЯ ВЛАДЕЛЬЦА ТОВАРА СЮРТУК**, а не рассуждать только с точки зрения владельца товара холст. Ведь в процессе обмена, как это показывает и сам Маркс в следующей главе, оба его субъекта совершенно равноправны. В этом случае все рассуждения о различии форм потребительной стоимости обоих товаров окажутся такими же с точностью до наоборот! А если встать на точку зрения третьего человека на рынке, стороннего наблюдателя, или, что еще правильнее, на точку зрения объективного исследователя экономических отношений общества?

С этой точки зрения, оба обмениваемых товара, как и их владельцы, совершенно равноправны, действия обоих субъектов обмена совершенно равнозначны, а их товары принимают по отношению друг к другу **ОДНОВРЕМЕННО** одни и те же формы! Холст выражает свою стоимость (по Марксу) в натуральной, телесной форме сюртука, а сюртук - наоборот, в телесной, натуральной форме холста. **ОБА ТОВАРА: И ХОЛСТ, И СЮРТУК, ОДНОВРЕМЕННО НАХОДЯТСЯ И В ОТНОСИТЕЛЬНОЙ И В ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ФОРМЕ СТОИМОСТИ!**

Для Маркса - это катастрофа, это тупик! Ведь при этом получается, что телесная, натуральная форма товара может служить формой стоимости для **ДРУГОГО** товара и не может для своей собственной стоимости! Свою собственную стоимость товар может выразить в вещественных свойствах другого товара и не может в своих собственных! И от этого тупикового противоречия Маркс прячется за "фиговый листок" неравноправности, неравнозначности двух обмениваемых товаров, непереверачиваемости менового отношения! Тем проще, что ему в этом, как бы, помогает сама жизнь. Ведь в современной и самому Марксу и нам всем жизни роль одного из обмениваемых товаров выполняет **ОСОБЫЙ** товар - деньги.

При этом, якобы, только один товар - не деньги - выражает свою стоимость в деньгах, стоимость которых сложилась и складывается исторически и имеет традиционное, привычное или меняющееся значение.

В действительности (как мы теперь знаем во многом благодаря самому Марксу, а более всего, благодаря громадному практическому, печальному но поучительному опыту следования марксизму) стоимость, как количество труда, затраченное в процессе производства продукта, находит себе формальное выражение в вещественной, натуральной, телесной форме продукта и количественное выражение в калькуляции затрат на его производство еще в процессе производства, задолго до обмена. В обмене находит свое выражение, свою форму, как предполагаемое, прогнозируемое и приемлемое для данного потребителя рабочее время на изготовление данного продукта, его **ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ**.

В обмене холста на сюртук потребительная стоимость холста для владельца сюртука находит себе форму в вещественной, телесной форме его сюртука и количественное выражение в величине стоимости сюртука, в рабочем времени, затраченном им на производство своего сюртука и фиксируется в такой форме и таком значении обоими партнерами по обмену. Потребительная же стоимость сюртука для владельца холста, соответственно, находит себе форму в вещественной форме его холста и количественное выражение в стоимости холста, в рабочем времени, затраченном им на производство своего холста и фиксируется в таком значении обоими партнерами по обмену.

Следовательно, оба обмениваемых товара одновременно, но соотносительно находятся и в относительной форме потребительной стоимости и в эквивалентной форме стоимости. И никаких противоречий, никаких "фиговых листков"!

С учетом этих рассуждений читаем "Капитал" далее.

2) ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ

а) СОДЕРЖАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ

Чтобы выяснить, каким образом простое выражение потребительной стоимости одного товара содержится в стоимостном отношении двух товаров, необходимо, прежде всего, рассмотреть это последнее независимо от его количественной стороны. Обыкновенно же поступают как раз наоборот и видят в стоимостном отношении только пропорцию, в которой приравняются друг другу определенные количества двух различных сортов товара. При этом забывают, что различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а, следовательно, соизмеримыми величинами ¹⁷⁾.

¹⁷⁾ Те немногие экономисты, которые, как, например, С.Бейли, занимались анализом формы стоимости, не могли прийти ни к какому результату, с одной стороны, потому, что они смешивают форму стоимости и саму стоимость, с другой стороны, потому, что, находясь под влиянием грубого практического буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения. "Власть над количеством ... конституирует стоимость" ("Money and its vicissitudes", London, 1837, p.11). Автор. С Бейли.

Равняются ли 20 аршин холста одному сюртуку, или они = 20, или - X сюртукам, другими словами - стоит ли данное количество холста многих или немногих сюртуков, во всяком случае, самое существование такой пропорции предполагает всегда, что холст и сюртук как величины стоимости и потребительной стоимости суть выражения одного и того же единства, суть вещи, имеющие одну и ту же природу. Холст = сюртуку - это основа уравнения.

Но эти два качественно уравненных друг с другом товара играют не одинаковую роль. Только стоимость холста находит себе выражение. И притом, каким образом? Путем его отношения к сюртуку как его "эквиваленту", как к чему-то, на что холст может быть обменен. В

этом отношении сюртук служит формой существования стоимости, воплощением стоимости (Wertding), потому что только как стоимость он тождественен с холстом. С другой стороны, здесь обнаруживается или получает самостоятельное выражение стоимостное бытие самого холста, потому что лишь как стоимость холст может относиться к сюртуку как к чему-то равноценному или способному обмениваться на него.

Здесь мы еще раз возразим. Во-первых, в меновом отношении, как мы установили выше, находит себе форму не стоимость товара, а его потребительная стоимость. Во-вторых, это касается потребительной стоимости обоих обмениваемых товаров.

Далее Маркс пишет.

Так, например, масляная кислота и пропиловый эфир муравьиной кислоты - различные вещества. Однако оба они состоят из одних и тех же химических субстанций - углерода (С), водорода (Н) и кислорода (О), и притом в одном и том же процентном отношении, а именно: $C_4H_8O_2$. Если бы мы приравнивали масляную кислоту к муравьино-пропиловому эфиру, то это означало бы в данном уравнении, во-первых, что муравьино-пропиловый эфир есть лишь форма существования $C_4H_8O_2$ и, во-вторых, что масляная кислота также состоит из $C_4H_8O_2$. Посредством приравнивания муравьино-пропилового эфира к масляной кислоте была бы выражена, таким образом, их химическая субстанция в отличие от их физической формы.

В подтверждение своих представлений об относительной форме стоимости Маркс приводит пример из области органической химии: существование двух разных по свойствам веществ - муравьино-пропилового эфира и масляной кислоты, имеющих одинаковую химическую формулу $C_4H_8O_2$. Сама попытка нахождения аналогий в социально-экономическом устройстве общества и неживой природе вызывает согласие и удовлетворение. Но что подтверждает данный пример? То, что, как и в химии, в политэкономии одна и та же субстанция стоимости находит форму выражения в различных вещественных объектах, в различных предметах потребления? С этим мы и не спорим! То, что различные предметы потребления - потребительные значимости - взятые в количестве, пропорциональном затраченному на их производство труду, можно приравнивать с такой же степенью правомерности, как и приравнение различных природных веществ с точки зрения единства их химического состава? И это бесспорно!

Но этот пример несколько не подтверждает то представление, что для того, чтобы обнаружить в масляной кислоте ее химическую субстанцию - $C_4H_8O_2$ - ее нужно приравнивать, сопоставить с веществом того же химического состава - муравьино-пропиловым эфиром.

С другой стороны, эти два вещества принадлежат к числу очень ограниченного круга веществ из общего числа веществ материального мира, имеющих одинаковый химический состав. В то время как из всего многообразия товарного мира по стоимости и потребительной стоимости могут сопоставляться неограниченное число различных товаров.

Когда мы говорим о стоимости, как качественно однородном, качественно одинаковом, всеобщем труде, как затрате всеобщей одинаковой человеческой рабочей силы, как о затрате энергии, мы отвлекаемся от всех и всяких конкретных форм осуществления этого труда, от всяких качественных его различий. И если уж искать аналогии стоимости в органической химии, то в качестве более удачной таковой может служить обширный ряд углеводов, соединений углерода С и водорода Н, который построен на качественном единстве образующих его элементов, постоянном использовании именно и исключительно этих элементов из всего обширного их набора для образования различных веществ этого ряда. При этом количественные различия в числах атомов углерода и водорода, входящих в каждое конкретное соединение являются аналогом качественных различий разных форм труда, образующих потребительную значимость и потребительную стоимость продукта.

При таком сравнении все вещества этого ряда, как вещества, состоящие из С и Н, суть равные стоимости, и каждое из них, поскольку оно представляет собой конкретный, количественно отличный набор этих общих элементов С и Н, суть индивидуальная, конкретная потребительная значимость. Поэтому, чтобы подчеркнуть качественную общность химической

субстанции, присущей всем углеводородам - наличие в них С и Н (и только их) - нужно "приравнять" любую пару из них: метан CH_4 , этан C_2H_6 , пропан C_3H_8 и ацетилен C_2H_2 и т.д. И совсем нет необходимости выискивать для этого вещества с совершенно одинаковым и по составу и по количеству элементов, как это сделал Маркс в своем примере.

Но если таким "приравнением" можно выразить, подчеркнуть общую химическую субстанцию всех углеводородов, то проявить, выявить, обнаружить наличие С и Н в каждом из них можно (химики это подтвердят) только проведя взаимодействие их с кислотами, щелочами, солями, другими реагентами известного состава и изучив продукты этого взаимодействия.

Так и стоимость продуктов благодаря наличию в них натуральных, вещественных, телесных признаков, свидетельствующих о причастности к их появлению на свет человеческого труда, лучше всего обнаруживается в сравнении их с теми предметами, к происхождению которых труд совершенно не причастен. И если, по аналогии с химическими реакциями, в товаре, например, в том же холсте, удастся обнаружить его свойство (наличие в нем овеществленного человеческого труда) содержать в себе стоимость, которое отличает его от других предметов, не имеющих в себе затрат человеческого труда (предметов, предоставленных человеку природой в готовом виде), то это само по себе свидетельствует в пользу того утверждения, что стоимость товара находит себе форму, качественное выражение уже в телесной, натуральной форме самого этого товара.

Например, яблоко, висящее на ветке дикорастущего дерева, и яблоко, находящееся в руке (или лапе) первобытного человека, отличаются друг от друга тем, что второе или было сорвано с ветки или поднято с земли, т.е. к нему был приложен человеческий труд. И если бы наш первобытный предок был знаком с категорией стоимости, он безошибочно обнаруживал бы стоимость в каждом продукте, к которому присоединен человеческий труд.

Маркс пишет далее.

Когда мы говорим: как стоимости и потребительные стоимости товары простые сгустки человеческого труда, то наш анализ сводит товары к абстрактной стоимости и потребительной стоимости, но не дает им формы стоимости, отличной от их натуральной формы. Не то в стоимостном отношении одного товара к другому. Стоимостный характер товара обнаруживается здесь в его собственном отношении к другому товару.

Когда, например, сюртук, как стоимость (Wertding) и потребительная стоимость, приравнивается холсту, заключающийся в первом труд приравнивается к труду, заключающемуся во втором. Конечно, портняжный труд, создавший сюртук, есть конкретный труд иного рода, чем труд ткача, который делает холст. Но приравнение к ткачеству фактически сводит портняжество к тому, что действительно одинаково в обоих видах труда, к общему им характеру человеческого труда. Этим окольным путем утверждается далее, что и ткачество, поскольку оно несет стоимость и потребительную стоимость, не отличается от портняжества, следовательно, есть абстрактно человеческий труд. Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, образующего стоимость и потребительную стоимость, так как разнородные виды труда, содержащиеся в разнородных товарах, оно действительно сводит к тому, что в них есть общего, - к человеческому труду вообще ^{17)а}.

^{17)а} Один из первых экономистов, который после Уильяма Петти разглядел природу стоимости, знаменитый Франклин, говорит: " Так как торговля есть вообще не что иное, как обмен одного труда на другой труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивать трудом" ("The Works of B.Franklin etc., edited by Sparks". Boston, 1836, v. 11, p.267). Франклин не уяснил себе, что, оценивая стоимость всех вещей "трудом", он тем самым отвлекается от различий между обмениваемыми видами труда, - следовательно, сводит их к одинаковому человеческому труду. Но хотя он этого не знает, он произвольно высказывает это. Он говорит сначала об "одном труде", затем о "другом труде", в заключение о "труде" без дальнейшего определения как субстанции стоимости всех вещей.

Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме. Для того чтобы стоимость холста была выражена как сгусток

человеческого труда, она должна быть выражена как особая предметность, которая вещно отлична от самого холста и в то же время обща ему и другому товару. Эта задача уже решена.

В стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук фигурирует как нечто качественно одинаковое с холстом, как вещь того же самого рода, потому что он есть стоимость. Он играет здесь роль вещи, в которой проявляется стоимость или которая в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость.

Здесь опять, быть может, наиболее ярко проявляется противоречивость и ошибочность представлений Маркса о форме стоимости и потребительной стоимости. У него получается, что в стоимостном отношении холста к сюртуку, сюртук в своей осязательной натуральной форме представляет стоимость, а вне этого отношения - нет!

Но чем же отличаются взгляды человека на сюртук в процессе стоимостного отношения и вне него? Чем, вообще, отличаются взгляды на сюртук портного, пошившего сюртук для себя самого, а не для обмена (и, соответственно, по Марксу, не ставящего сюртук в стоимостное отношение с другими товарами) и взгляды на тот же сюртук того же портного, решившего в последний момент все же обменять его на новые сапоги? НИЧЕМ! Вот сапоги, получаемые в обмен на свой сюртук, он будет разглядывать и ощупывать очень внимательно, выискивая в них малейшие изъяны.

Таким образом, в стоимостном отношении холста к сюртуку натуральная, телесная форма сюртука воплощает стоимость ровно настолько, насколько и вне стоимостного отношения!

Маркс и сам смутно догадывается об этом.

Конечно, сюртук - тело товара сюртук - есть только потребительная стоимость значимость. Сюртук столь же мало выражает собой стоимость, как и первый попавшийся кусок холста.

Но если согласиться с этим - рушится вся теория стоимости! Нужно искать спасительные аргументы! И Маркс их "находит"!

Но это доказывает лишь, что в пределах своего стоимостного отношения к холсту сюртук значит больше, чем вне его, - подобно тому, как многие люди в сюртуке с золотым шитьем значат больше, чем без него.

Еще одна аналогия! Человек в простом сюртуке и человек в сюртуке с золотым шитьем! Ну что можно против этого возразить!

Действительно, часто или даже, как правило, в служебном, в имущественном и многих других отношениях человек в сюртуке с золотым шитьем значит больше, имеет большую значимость, чем человек в простом грубом сюртуке. Но, ведь, по аналогии со стоимостным отношением, в котором происходит отвлечение от всяких качественных различий соотносимых друг другу товаров, основой сравнения, соотношения двух человек является то общее, объединяющее их между собой и отличающее их от других живых и неживых предметов, качество - их человеческая родовая сущность, их обоюдная принадлежность к роду "homo sapiens", которая устанавливается раньше их взаимного соотношения, в отношениях каждого из этих двух людей к окружающему их внешнему миру, животным, растениям, земле, воде, воздуху и т.д. Только это сущностное равенство, установленное прежде взаимного отношения и позволяет далее соотносить их друг к другу, сравнивать их относительную значимость.

Таким образом, относительно более высокая значимость человека в сюртуке с золотым шитьем, как бы велика она не была, не может быть воплощением, выражением человеческой природы и сущности человека в простом сюртуке. Относительно более высокая значимость не является воплощением человеческой сущности в отношении двух людей друг к другу в большей мере, чем вне этого отношения. Воплощением, выражением, формой человеческой сущности является сам данный конкретный человек, сама его данная конкретная форма в той части, в которой она отличает его от других объектов природы. С другой стороны, конкретная форма человека, например, наличие на нем сюртука с золотым шитьем, облегчает и ускоряет

обнаружение В НЕМ САМОМ (а не в другом человеке!) человеческой сущности по сравнению с выявлением таковой в "раннем" человеке, имеющем из одежды лишь набедренную повязку.

Так и в стоимостном отношении товара холст и товара сюртук. Их стоимостная сущность, их стоимостное содержание, т.е. наличие в них овеществленного человеческого труда, обнаруживает САМА НАТУРАЛЬНАЯ ФОРМА ЭТИХ ТОВАРОВ, каждого по отдельности и раньше взаимного отношения, коль скоро натуральная форма товара холст и натуральная форма товара сюртук обнаруживают при сравнении каждой из них с предметами окружающего мира, данными человеку природой в готовом виде, наличие в них воплощенного всеобщего абстрактного человеческого труда.

В стоимостном отношении холста и сюртука последний не может быть воплощением стоимости холста в большей мере, чем вне этого отношения. Хотя, конечно же, при сравнении холста и сюртука, например, с яблоком на прилавке рыночного торговца, и в сюртуке и в холсте, как продуктах, заключающих в себе, ОЧЕВИДНО БОЛЬШЕЕ КОЛИЧЕСТВО ТРУДА, стоимость обнаруживается и легче и быстрее.

Читаем далее в "Капитале".

В производстве сюртука в форме портняжного труда действительно затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накоплен человеческий труд. С этой стороны сюртук является "носителем стоимости", хотя это его качество и не просвечивает сквозь его ткань, как бы она тонка не была.

Мы знаем теперь, что наличие стоимости в сюртуке, как и в холсте или любом другом товаре обнаруживается наблюдателями в каждом конкретном элементе его формы, в его телесных вещественных признаках. Чем более плотна и гладка ткань, из которой пошит сюртук, чем плотнее его подкладка, чем больше на нем накладных карманов, чем выше его воротник и обшлага рукавов, чем больше на нем того же золотого шитья и ювелирных изделий в качестве отделки, тем выше будет его потребительная значимость, его качество, его вещественные и потребительные свойства, тем большее восхищение будет производить его обладатель на окружающих. Но тем выше, понятно, будет и стоимость такого сюртука, так как больше будут затраты рабочей силы и рабочего времени на изготовление всех этих (как сейчас принято говорить) наворотов.

Но что действительно "не просвечивает" сквозь ткань товара, так это его конкретная потребительная стоимость. Конечно, и владелец холста и владелец сюртука прекрасно знают, что их товары имеют важное потребительное значение, могут удовлетворять важные человеческие потребности, то есть, иметь потребительную значимость. Но каково стоимостное значение, стоимостное выражение этой абстрактной значимости для того или иного партнера по обмену в данных конкретных условиях и при данных конкретных обстоятельствах они не знают.

Только с этих позиций мы можем принять дальнейшие слова Маркса.

И в своем стоимостном отношении к холсту он выступает лишь этой своей стороной, т.е. как воплощенная стоимость, как стоимостная плоть. Несмотря на то, что сюртук выступает застегнутым на все пуговицы, холст узнает в нем родственную себе прекрасную душу стоимости. Но сюртук не может представлять стоимости в глазах холста без того, чтобы для последнего стоимость не приняла формы сюртука. Так индивидуум А не может относиться к индивидууму В как к его величеству без того, чтобы для А величество как таковое не приняло телесного вида В, - потому-то присущие величеству черты лица, волосы и многое другое меняются с каждой смены властителя страны.

И далее, с учетом наших поправок.

Следовательно, в том стоимостном отношении, в котором сюртук образует эквивалент холста, форма сюртука играет **{не только, как прежде роль формы стоимости самого**

сюртука, но и роль формы потребительной стоимости холста для данного владельца сюртука). [Стоимость] {Потребительная стоимость} товара холст выражается, поэтому в теле товара сюртук, {потребительная} стоимость одного товара - {в стоимости и} потребительной [стоимости] {значимости} другого. Как потребительная [стоимость] {значимость} холст есть вещь, чувственно отличная от сюртука, как {потребительная} стоимость, он "сюртукоподобен", выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом, холст получает форму {потребительной} стоимости, отличную от его натуральной формы, {формы его стоимости}. Его стоимостное бытие проявляется в его подобии сюртуку, как овечья натура христианина - в уподоблении себя агнцу Божию.

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости {и потребительной стоимости}, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд в своем абстрактном свойстве человеческого труда образует его холста собственную стоимость {и потребительную стоимость}, он говорит, что сюртук, поскольку он равнозначен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как и он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная предметность его стоимости (Wertgegenstandlichkeit) {и потребительной стоимости} отлична от его грубого льняного тела, он говорит, что {потребительная} стоимость имеет вид сюртука и что поэтому сам он в качестве стоимости (Wertding) {и потребительной стоимости} как две капли воды похож на сюртук. Заметим мимоходом, что и товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или менее выработанных наречий. Немецкое "Wertsein" (стоимость, стоимостное бытие) выражает, например, менее отчетливо, чем романский глагол *valere, valer, valoir* (стоять), тот факт, что приравнивание товара В к товару А есть выражение собственной {потребительной} стоимости товара А. *Paris vaut bien une messe!*

Итак, посредством стоимостного отношения натуральная форма товара В становится формой {потребительной} стоимости товара А, или тело товара В становится зеркалом {потребительной} стоимости товара А ¹⁸⁾.

¹⁸⁾ В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руке и не фихтеанским философом: "Я есмь я", то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека.

Лишь отнесясь к человеку Павлу, как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода "человек".

Используя данную аналогию, Маркс старается подчеркнуть, что главным содержанием отношения человека Петра к человеку Павлу является обнаружение Петром через свое сходство с Павлом своей собственной принадлежности к роду "человек". Однако если бы Маркс представлял себе содержание категории "потребительная стоимость", как ее представляем и описываем здесь мы, он, безусловно, сам увидел бы, что на самом деле эта сторона отношения Петра к Павлу и достаточно быстротечна и второстепенна.

На самом деле, некто Петр может обнаружить во встреченном им Павле человека, представителя рода "*homo sapiens*" лишь научившись много ранее отличать человека вообще и, в том числе, себя самого от многочисленных и разнообразных представителей живой и объектов неживой природы. Лишь идентифицировав много ранее в окружающем его мире себя самого, как человека и увидев похожего на себя Павла, он может сказать: "Вот идет еще один человек". И, обнаружив в Павле себе подобного человека, Петр сразу же замечает и различия. В чертах лица, в голосе, в цвете волос, в одежде, в способности выполнять ту или иную работу и т.п. И сразу же Петр начинает соотносить себе самого, как личность, как своеобразную "потребительную стоимость" с личностью, с "потребительной стоимостью" Павла. То же самое касается и Павла.

Так и при товарообмене. Владелец холста хорошо знает затраты своего труда - стоимость своего товара и очень быстро обнаруживает в товаре сюртук его стоимостную сущность, так как, не находя сюртук в природе в готовом виде, сразу осознает, что он, с точки зрения

стоимости, как продукт труда, сопоставим с холстом, может быть обменен на холст. То же самое осознает и владелец товара сюртук.

Маркс пишет далее.

Товар А, относясь к товару В как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную [стоимость] {значимость} В материалом для выражения своей собственной {потребительной} стоимости. [Стоимость] {Потребительная стоимость} товара А, выраженная таким образом в потребительной [стоимости] {значимости и стоимости} товара В, обладает формой относительной {потребительной} стоимости.

Подчеркнем, что совершенно справедливо и обратное утверждение. Товар В, относясь к товару А как к стоимостной плоти, как к материализации человеческого труда, делает потребительную значимость А материалом для выражения своей собственной потребительной стоимости. Потребительная стоимость товара В, выраженная таким образом в потребительной значимости и стоимости товара А, обладает формой относительной потребительной стоимости.

в) КОЛИЧЕСТВЕННАЯ [ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ] {НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ} ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ

Каждый товар, потребительная стоимость которого должна быть выражена, представляет собой известное количество данного предмета потребления, например 15 шеффелей пшеницы, 100 фунтов кофе и т.д. Это данное количество товара содержит в себе определенное количество человеческого труда. Следовательно, форма потребительной стоимости должна выражать не только стоимость вообще, но количественно определенную стоимость, или величину стоимости. Поэтому в стоимостном отношении товара А к товару В, холста к сюртуку, товар вида сюртук не только качественно отождествляется с холстом как стоимостной плотью вообще, но определенному количеству холста, например, 20 аршинам, приравнивается определенное количество стоимостной плоти, или эквивалента, например 1 сюртук.

Уравнение "20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста стоят одного сюртука" предполагает, что в одном сюртуке содержится ровно столько же субстанции стоимости, как и в 20 аршинах холста, что оба эти количества товаров стоят равного труда, или равновеликого рабочего времени. Но рабочее время, необходимое для производства 20 аршин холста или одного сюртука, изменяется с каждым изменением производительной силы труда в портняжестве или ткачестве. Мы исследуем теперь более подробно влияние такого изменения на относительное выражение величины стоимости.

1. Пусть стоимость холста изменяется ¹⁹⁾, в то время как стоимость сюртука остается неизменной.

¹⁹⁾ Выражение "стоимость" употребляется здесь, как и в некоторых местах выше, для обозначения количественно определенной стоимости.

Если рабочее время, необходимое для производства холста, удваивается, например, вследствие снижения плодородия почвы, на которой возделывается лен, то удваивается и его стоимость. Вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получаем 20 аршин холста = 2 сюртукам, так как один сюртук содержит теперь лишь половину того рабочего времени, которое заключается в 20 аршинах холста. Наоборот, если рабочее время, необходимое для производства холста, уменьшается наполовину, вследствие усовершенствования ткацких станков, то и стоимость холста упадет наполовину. В соответствии с этим, теперь мы имеем: 20 аршин холста = 1/2 сюртука. При неизменной стоимости товара В относительная стоимость товара А, т.е. стоимость его, выраженная в товаре В, повышается и падает прямо пропорционально стоимости товара А.

2. Пусть стоимость холста остается постоянной, в то время как стоимость сюртука изменяется. Если при этом условии рабочее время, необходимое для производства сюртука, удваивается, например, вследствие плохого настига шерсти, то вместо 20 аршин холста = 1 сюртуку мы получим 20 аршин холста = 1/2 сюртука. Напротив, если стоимость сюртука падает наполовину, то 20 аршин холста = 2 сюртукам. При неизменной стоимости товара А его относительная, выраженная в товаре В стоимость падает или повышается в отношении, обратном изменению стоимости В.

Сравнивая различные случаи 1 и 2, мы находим, что одно и то же изменение величины относительной стоимости может вызываться совершенно противоположными причинами. Так, вместо уравнения 20 аршин холста = 1 сюртуку может получиться уравнение 20 аршин холста = 2 сюртукам или потому, что стоимость холста удваивается, или потому, что стоимость холста падает наполовину; с другой стороны, уравнение 20 аршин холста = 1/2 сюртука получается вместо того же первоначального уравнения или потому, что стоимость холста падает наполовину, или потому, что стоимость сюртука повышается вдвое.

3. Пусть количество труда, необходимое для производства холста и сюртука, изменяются одновременно в одном и том же направлении и в одной и той же пропорции. В этом случае, как бы ни изменялась стоимость этих товаров, по-прежнему 20 аршин холста = 1 сюртуку. Изменение их стоимости мы можем открыть лишь при сравнении с третьим товаром, стоимость которого остается постоянной. Если бы стоимости всех товаров одновременно повысились или упали в одной и той же пропорции, их относительные стоимости остались бы без перемены. Действительное изменение стоимости товаров в этом случае сказалось бы лишь в том, что в течение того же самого рабочего времени вообще производилось бы большее или меньшее количество товаров, чем раньше.

4. Пусть рабочее время, необходимое для производства холста и сюртука, а, следовательно, и их стоимости, изменяются одновременно в одном и том же направлении, но в различной степени, или же изменяются в противоположном направлении и т.д. Влияние всех возможных комбинаций подобного рода на относительную стоимость товара определяется просто применением случаев 1, 2, и 3.

Действительные изменения величины стоимости не отражаются, как мы видим, достаточно ясно и полно в относительном выражении величины стоимости, или в величине относительной стоимости. Относительная стоимость товара может изменяться, не смотря на то, что стоимость его остается постоянной. Его относительная стоимость может оставаться постоянной, не смотря на то, что стоимость изменяется, и, наконец, одновременные изменения величины стоимости и относительного выражения этой величины стоимости отнюдь не всегда целиком совпадают ²⁰⁾.

²⁰⁾ Это несоответствие величины стоимости и ее относительного выражения используется вульгарной политической экономией с обычным для нее остроумием. Например: "Допустите только, что А падает потому, что В, на которое оно обменивается, повышается, причем, однако, на А затрачивается не меньше труда, чем раньше, и ваш всеобщий принцип стоимости терпит крушение... Раз мы допустили, что стоимость В по отношению к А падает вследствие того, что стоимость А по отношению к В возрастает, то тем самым уничтожается та почва, на которой Рикардо воздвигает свое великое положение, что стоимость товара всегда определяется количеством воплощенного в нем труда. Потому, что если изменение в издержках производства А изменяет не только его собственную стоимость по отношению к В, на которое оно обменивается, но изменяет также стоимость В по отношению к А, хотя никакой перемены в количестве труда, необходимого для производства В, не произошло, то рушится не только доктрина, уверяющая, что стоимость товара регулируется количеством затраченного на него труда, но также доктрина, согласно которой издержки производства данного товара регулируют его стоимость" (J. Broadhurst. "Political Economy". London, 1842, p.11, 14).

Г-н Бродхерст мог бы с таким же правом сказать: присмотритесь к числовым отношениям 10/20, 10/50, 10/100 и т.д. Число 10 остается неизменным, и, не смотря на это, его относительная величина, его величина по отношению к знаменателям 20, 50, 100 и т.д., постоянно убывает. Следовательно, рушится великий принцип, согласно которому величина целого числа, например 10, "регулируется" количеством содержащихся в нем единиц.

Мы намеренно не стали подвергать изменениям большую часть этого пункта "Капитала". Применительно отношений стоимости двух товаров она верна совершенно.

Но все-таки не напрасны, как оказывается, были сомнения в теории стоимости Рикардо и Маркса господина Бродхерста и др. Все-таки практика, исторический опыт человечества в очередной раз подтвердили непреложную истину о том, что наличие в любой теории, какой бы мощной, фундаментальной и совершенной она не казалась своим создателям и приверженцам, скрытых или явных неразрешенных в полной мере противоречий, приводит рано или поздно к ее краху, к ее взрыву.

Маркс очень убедительно показал разницу между абсолютным значением величины стоимости какого-либо товара и величиной относительной стоимости того же товара по отношению к стоимости другого товара, приведя пример с простыми дробями из самой точной из всех наук - математики. Он подчеркнул эту разницу в величинах стоимости и относительной стоимости в четырех примерах этого пункта! И, несмотря на все это, в своей теории ОН ИСПОЛЬЗОВАЛ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ СТОИМОСТИ ТОВАРА ЕГО ОТНОСИТЕЛЬНУЮ СТОИМОСТЬ В ДРУГОМ ТОВАРЕ, А ЗАТЕМ В ДЕНЬГАХ! Другими словами, он в одном месте, говоря о затратах рабочего времени, говорит о числителе, в другом месте - при обмене, при обсуждении формы стоимости - о простой дроби в целом!

Теперь, после введения в политическую экономию категории "потребительная значимость" и переопределения категории "потребительная стоимость" это противоречие разрешается самым благоприятным и перспективным образом. Стоимость товара определяется затратами индивидуально необходимого рабочего времени на его изготовление. В стоимостном же выражении, в стоимостном отношении двух товаров находит себе форму и количественное выражение в величине меновой стоимости **ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ ОБОИХ ТОВАРОВ ДЛЯ ОБОИХ УЧАСТНИКОВ ОБМЕНА.**

Мы уже говорили ранее о том, что величина потребительной стоимости получаемого товара определяется каждым участником обмена субъективно, на основе его представлений о величине стоимости этого товара у его продавца. Кроме того, на представление о величине потребительной стоимости товара оказывают большое влияние конкретные условия и конкретные обстоятельства совершения обмена конкретным его участником. Всем этим обуславливается громадная степень количественной неопределенности, случайности установления величины потребительной стоимости и ее закрепления в данном меновом отношении, которая имеет место в каждом единичном относительном выражении потребительной стоимости каждого товара.

С этой точки зрения в наиболее общем виде выражение относительной потребительной стоимости товара А в товаре В должно быть записано в виде:

$$X(i) \text{ товара А} = Y(j) \text{ товара В, где}$$

- i - порядковый номер продавца товара А на данном рынке;
- j - порядковый номер продавца товара В на данном рынке.

Под рынком здесь понимается любое пространственно-временное поле обмена товаров, от локального разового обмена двух партнеров, до обмена товаров в рамках всего человеческого сообщества. Соответственно, количество продавцов товара А и В, числа i и j могут изменяться от 1 до 100 или 100000 человек, в пределе стремясь к числу N всех членов общества.

В принятой системе обозначений два единичных случая обмена товара холст на товар сюртук из множества имевших место между различными субъектами обмена могут быть описаны следующей парой уравнений:

- случай 1: 20 аршин холста (1) = 1 сюртук (2)
- случай 2: 21 аршин холста (31) = 1 сюртук (15)

Здесь (1) - 1-й владелец холста, (2) - 2-й владелец сюртуков, (31) - 31-й владелец холста, (15) - владелец сюртуков.

3) ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Мы видели, что когда какой-либо товар А (холст) выражает свою **{потребительную}** стоимость в потребительной [стоимости] **{значимости}** отличного от него товара В (сюртуке), он в то же время придает этому последнему своеобразную форму стоимости, форму эквивалента. Товар холст обнаруживает свое собственное стоимостное бытие тем, что сюртук, не принимая ни какой формы стоимости, отличной от его телесной формы, приравнивается к холсту. Таким образом, холст фактически выражает свое стоимостное бытие тем, что сюртук может непосредственно обмениваться на него. Эквивалентная форма какого-либо товара есть, поэтому форма его непосредственной обмениваемости на другой товар.

Если данный вид товара, например сюртуки, приобретают характерное свойство - находиться в форме, непосредственно обмениваемой на холст, то этим отнюдь еще не указывается та пропорция, в которой сюртуки и холст могут обмениваться друг на друга. Она зависит, поскольку дана величина стоимости холста, от величины стоимости сюртуков.

Но где ранее Маркс показал, что стоимость холста дана?! Наоборот, он постоянно утверждает, что при обмене холста на сюртук именно стоимость холста находит себе форму в натуральной форме и количественно выражается в величине стоимости определенного количества сюртуков!

Далее Маркс пишет.

Является ли сюртук эквивалентом, а холст относительной стоимостью, или, наоборот, холст эквивалентом, а сюртук относительной стоимостью, величина стоимости сюртука в любом случае определяется рабочим временем, необходимым для его производства, следовательно - независимо от формы его стоимости. Но раз товар вида сюртук занимает место эквивалента в выражении стоимости, величина его стоимости, как таковая, не получает никакого выражения. Более того: она фигурирует в стоимостном уравнении только как определенное количество данной вещи.

Получается, для того, чтобы выразить стоимость холста нужно соотнести с ним определенное количество сюртуков. Это количество можно установить, зная стоимость одного сюртука. Но ее, по Марксу, можно выразить лишь соотнеся сюртук с некоторым количеством другого товара, например, холста, зная стоимость самого холста. **ПОЛУЧАЕТСЯ ЗАМКНУТЫЙ КРУГ!**

Так как же, все-таки, определяется по Марксу стоимость товара? До обмена, в соответствии с количеством труда, необходимого для ее изготовления? Но тогда при чем здесь обмен? Какую форму стоимости, какую величину стоимости и зачем обретать ЕЩЕ товару при обмене в другом товаре?! Тогда обмен должен был бы начинаться с того, что каждый его участник должен был бы называть **ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТОИМОСТИ** своего товара, действительное значение своих затрат времени и труда! Но этого при рыночном товарном производстве **НЕ ДЕЛАЕТ НИКТО И НИКОГДА!**

А если стоимость товара действительно проявляется, выражается при обмене в форме относительной стоимости и величине меновой стоимости, то при чем же тогда затраты рабочего времени на ее производство? И где тот **АБСОЛЮТНЫЙ ТОВАР**, в котором, в конечном счете, выразят свою стоимость все другие товары? Деньги? Но деньги, прежде всего, тоже товар и их стоимость относительна!

Из этого порочного замкнутого круга, из которого Маркс нашел убедительный для себя и своих последователей выход, выход, приведший, в конечном итоге, к краху, так называемой, марксистско-ленинской социалистической системы, **РЕАЛЬНЫЙ И ПЕРСПЕКТИВНЫЙ ВЫХОД ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ!**

Стоимость своего товар, соответствующая количеству рабочего времени, индивидуально необходимого для ее изготовления, известна каждому товаровладельцу и

до обмена. Незвестная до обмена потребительная стоимость их товаров для других субъектов рынка находится для них в форме потребительной значимости, в натуральной форме их товаров. При обмене же потребительная стоимость обоих товаров для их приобретателей получает форму и количественное стоимостное значение в стоимости своих, отчуждаемых ими товаров.

Поэтому то, что Маркс далее говорит о стоимости, применимо к потребительной стоимости.

Например: 40 аршин холста "стоят" - чего? Двух сюртуков.

То есть, чему равна потребительная стоимость 40 аршин холста для данного конкретного владельца сюртуков? Стоимости двух его сюртуков.

Так как товар вида сюртук играет здесь роль эквивалента и потребительная [стоимость] {значимость} сюртук противостоит холсту, как стоимостной плоти, то достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину {потребительной} стоимости холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину {потребительной} стоимости 40 аршин холста, но они никогда не могут выразить величину своей собственной {потребительной} стоимости, величину {потребительной} стоимости сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, - что в стоимостном уравнении эквивалент имеет всегда только форму простого количества известной вещи, известной потребительной [стоимости] {значимости}, - ввело в заблуждение Бейли и заставило его, как и многих из его предшественников и последователей, видеть в выражении стоимости только количественное отношение. В действительности эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения {потребительной} стоимости.

Первая особенность, бросающаяся в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная [стоимость] {значимость} становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Действительно, как мы уже отмечали ранее, в марксовом понимании в его изложении содержания категорий стоимость и потребительная стоимость, эквивалентная форма стоимости есть НЕ ТОЛЬКО ОСОБЕННОСТЬ, НО И ПРЯМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но *nota bene* (заметьте хорошенько): для товара В (сюртука, или пшеницы, или железа и т.д.) это *quid pro quo* (появление одного вместо другого) осуществляется лишь в пределах стоимостного отношения, в которое вступает с ним любой иной товар А (холст и т.д.), - лишь в рамках этого отношения. Так как никакой товар не может относиться к самому себе, как к эквиваленту и, следовательно, не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости, то он должен относиться к другому товару как к эквиваленту, или естественную наружность другого товара сделать своей собственной формой стоимости.

Здесь Маркс опять доказывает нам, что натуральная, телесная форма любого товара может служить формой стоимости, но только другого товара и в пределах стоимостного отношения к этому другому товару, и, что товар "не может сделать свою естественную наружность выражением своей собственной стоимости". И приводит в доказательство этого еще один пример.

Для большей наглядности это на примере тех мер, которыми измеряются товарные тела, как таковые, т.е. как потребительные стоимости значимости. Голова сахара как физическое тело имеет определенную тяжесть, вес, но ни одна голова сахара не дает возможности непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Мы берем, поэтому несколько кусков железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало является формой проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее весовое

отношение к железу. В этом соотношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количества железа служат, поэтому мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь воплощение тяжести, или форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое к нему вступает сахар или какое-либо другое тело, когда отыскивается вес последнего. Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло бы стать выражением тяжести другого. Бросив их на чаши весов, мы убедимся, что как тяжесть оба они действительно тождественны и потому, взятые в определенной пропорции, имеют один и тот же вес. Как тело железа в качестве меры веса представляет по отношению к голове сахара лишь тяжесть, так и в нашем выражении стоимости тело сюртука представляет по отношению к холсту лишь стоимость.

Однако здесь и прекращается аналогия. В выражении веса сахарной головы железо представляет естественное свойство, общее обоим телам, а именно тяжесть, в то время как сюртук в выражении стоимости холста представляет неприродное свойство обеих вещей: их стоимость, нечто чисто общественное.

Так как относительная форма стоимости товара, например холста, выражает его стоимостное бытие как нечто совершенно отличное от его тела и свойств последнего, например как нечто "сюртукоподобное", то уже само это выражение указывает на то, что за ним скрывается некоторое общественное отношение. Как раз противоположный характер носит эквивалентная форма. Ведь она состоит именно в том, что данное тело товара, скажем сюртук, данная вещь как таковая, выражает стоимость, следовательно, по самой природе своей обладает формой стоимости. Правда, это справедливо лишь в пределах того стоимостного отношения, в котором товар холст относится к товару сюртук как к эквиваленту²¹⁾

²¹⁾ Такие соотносительные определения представляют собой лишь вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему, как подданные. Между тем, они думают, наоборот, что они - подданные потому, что он король.

Но так как свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то кажется, будто сюртук своей эквивалентной формой, своим свойством непосредственной обмениваемости обладает от природы, совершенно также как тяжестью или свойством удерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, порождающая буржуазно грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма предстает перед ним в готовом виде - как деньги. Тогда экономист пытается разделаться с мистическим характером золота и серебра, подсовывая на их место менее ослепительные товары и все с новым и новым удовольствием перечисляя список той товарной черни, которая в свое время играла роль товарного эквивалента. Он и не подозревает, что уже самое простое выражение стоимости: 20 аршин холста = 1 сюртуку, дает разгадку эквивалентной формы.

Но разве верно то, что ни одна голова сахара не дает возможность непосредственно увидеть или почувствовать ее вес? Возьмите голову сахара в руку! Вы не чувствуете ее веса, не напрягаетесь для преодоления ее воздействия на ваш организм? Столкните голову сахара с полки! Вы не увидите ее весомость даже тогда, когда, падая на стол, она перебьет вам всю посуду или стукнет по голове?

И разве верно то, что телесная форма головы сахара, как и телесная форма железа, рассматриваемые сами по себе, вне их взаимодействия друг с другом, не являются формами проявления тяжести?!

Как известно, свойство всех материальных тел на Земле, в том числе и сахара и железа, иметь вес или тяжесть определяется не их отношением друг к другу, а взаимодействием их всех по отдельности с самим небесным телом Земля. Это свойство, это взаимодействие описывается законом всемирного тяготения. Это свойство определяется, прежде всего, взаимодействием каждого отдельного материального тела с Землей, а уже затем в побочном воздействии какого-либо тела на другие тела, оказывающиеся на пути, на линии такого основного и первоначального взаимодействия. Нет никакой необходимости, поэтому, для обнаружения, для

проявления в голове сахара **принципиального, качественного наличия** ее весомости ставить ее в весовое отношение с кусками железа. Напротив! Уравновесив на рычажных весах голову сахара железом, поместив железо между головой сахара и Землей, мы лишаем голову сахара возможности проявлять свою весомость естественным путем. Мы уже почти не ощутим весового воздействия ее на свою руку, пытаясь приподнять чашу весов с сахаром, или не увидим стремительного падения чаши весов с сахаром, убрав свою руку из-под нее.

С другой стороны, чтобы возможно точнее и единообразнее **количественно** оценить тяжесть данной головы сахара, мы взвешиваем ее, то есть ставим в весовое отношение с различными мерами веса, будь то железо или что-либо другое, даже тот же сахар, имеющийся в пропорциях заранее известного веса. (Каждому приходилось, наверное, покупать на рынке, например, 1, 2 или 3 килограмма черешни, когда на другой чаше весов вместо железных гирь у продавца лежали соответственно 1, 2 или 3 килограммовых пакетика сахара).

Так и стоимость. Обнаружить ее присутствие в том или ином продукте, в том или ином материальном теле, мы можем выявив принципиально, на уровне "да - нет" причастность к его появлению на свет человеческого труда. И сделать это мы можем тем быстрее и безошибочнее, чем большей будет разница в затратах труда на создание сравниваемых нами продуктов. Если же мы хотим возможно точнее количественно выразить величину стоимости продукта, то, раз уж мы определили величину стоимости затратами рабочего времени, рабочей силы, рабочей энергии на ее производство, нам необходимо лишь возможно точнее измерить эти затраты еще в процессе производства, используя известные человечеству приемы измерения времени, рабочей силы, рабочей энергии.

Только зная заранее величины стоимостей обоих продуктов мы могли бы установить количественную их пропорцию с точки зрения равенства их стоимостей, например, стоимость 20 аршин холста равна стоимости 1 сюртука. Но в этом отношении неверно, ошибочно, губительно видеть выражение стоимости одного из них в другом или наоборот. Ибо стоимости соотносимых в этом равенстве продуктов **ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИЗВЕСТНЫ ЗАРАНЕЕ! ИНАЧЕ ЭТО НЕ РАВЕНСТВО А МАРКС ЗНАЕТ ЧТО!**

Совсем иное дело потребительная стоимость продукта. Как категория индивидуальная и, в известной мере, случайная для каждого потребителя, как категория наполняемая конкретным содержанием в процессе потребления и обмена, как его части, именно она в меновом отношении двух товаров находит себе конкретную вещественную форму и количественное выражение в вещественной форме и стоимости товара, являющегося эквивалентом. При этом уже нет сомнительного и противоречивого *quid pro quo* (появление одного вместо другого). Стоимость становится выражением потребительной стоимости! Количество труда, действительно затраченного, становится формой труда, предположительно необходимого, предположительно затраченного, приемлемо для данного потребителя затраченного!..

У Маркса мы читаем, далее, без особых возражений, но применительно к потребительной стоимости.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда выступает как воплощение абстрактно человеческого труда и всегда в то же время есть продукт определенного полезного, конкретного труда. Таким образом, этот конкретный труд становится выражением абстрактно человеческого труда.

Какой же малости не хватило обществу (в знании Маркса и марксистов), чтобы избежать полутора лет безуспешного поиска и опробования более прогрессивного пути развития. Ведь как близки, как похожи эти последние фразы: наша и Маркса.

Если, например, сюртук служит не более как вещью, в которой осуществлен абстрактно человеческий труд, то и портняжный труд, который в нем фактически осуществлен, служит не более как формой осуществления абстрактно человеческого труда. В выражении стоимости холста полезность портняжного труда сказывается не в том, что он изготавливает платье,

следовательно, - и людей*, а в том, что он производит вещь, в которой мы сразу видим стоимость, т.е. сгусток труда, который ничем не отличается от труда, овеянного в стоимости холста. Для того чтобы изготовить такое зеркало стоимости, само портняжество не должно отражать в себе ничего другого, кроме своего абстрактного свойства быть человеческим трудом вообще.

* В оригинале перефразировка известной немецкой пословицы "Kleider machen Leute" (буквально: "платье делает людей", а по смыслу: "наряди пень, и пень хорош или: по платью встречают"). Ред.

В форме портняжества, как и в форме ткачества, затрачивается человеческая рабочая сила. Следовательно, обе эти деятельности обладают общим характером человеческого труда и в некоторых определенных случаях, например в производстве стоимости **{и потребительной стоимости}**, должны рассматриваться только с этой точки зрения. В этом нет ничего мистического. Но в выражении **{потребительной}** стоимости товара дело принимает иной вид. Например, чтобы выразить, что ткачество не в своей конкретной форме создает стоимость **{и потребительную}** стоимость холста, а в своем всеобщем качестве человеческого труда, - ткачеству противопоставляется портняжество, конкретный труд, создающий эквивалент холста, как наглядная форма осуществления абстрактно человеческого труда.

Итак, вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда.

Но так как этот конкретный труд, портняжество, выступает здесь как простое выражение лишнего различия человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, с трудом, содержащимся в холсте; поэтому, не смотря на то, что он, подобно всякому другому производящему товару, является трудом частным, он все же есть труд в непосредственно общественной форме. Именно поэтому он выражается в продукте, способном непосредственно обмениваться на другой товар. Третья особенность эквивалентной формы состоит, таким образом, в том, что частный труд становится формой своей противоположности, т.е. трудом в непосредственно общественной форме.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще более понятными, если мы обратимся к великому исследователю, впервые проанализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами. Я имею в виду Аристотеля.

Прежде всего, Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы **{потребительной}** стоимости, т.е. выражения потребительной стоимости одного товара в каком-либо другом товаре; в самом деле, он говорит:

"5 лож = 1 дому" "не отличается" от: "5 лож = такому - то количеству денег"

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение **{потребительной}** стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о качественном отождествлении дома и ложа и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их сущностей не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. "Обмен, - говорит он, - не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости". Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы потребительной стоимости. "Однако в действительности не возможно, чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы", т.е. качественно равны. Такое приравнение может быть чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно, лишь "искусственным приемом для удовлетворения практических потребности".

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это - отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, т. е. та общая субстанция, которую представляет дом для лож в выражении стоимости лож? Ничего подобного "в действительности не может существовать", - говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу как что-то равное, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих - и в ложе и в доме. А это - человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд, - этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, - эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда, и, стало быть, отношения людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит "в действительности" это отношение равенства.

Закономерности познания человечеством объективных законов функционирования и развития природы и общества проявляются одинаково неуклонно и одинаково жестко на протяжении всей истории человечества. То, что было недоступно пониманию Аристотеля, спустя какое-то время стало ясно К. Марксу. То, что было ошибочного или неполного в представления Маркса о стоимости и потребительной стоимости, раньше или позже будет верно понято и доступно всему человечеству.

4) ПРОСТАЯ ФОРМА {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ В ЦЕЛОМ

Простая форма {потребительной} стоимости товара заключается в его стоимостном отношении к неоднородному с ним товару, в его меновом отношении к этому последнему. {Потребительная} стоимость товара А качественно выражается в способности товара В непосредственно обмениваться на товар А. Количественно она выражается в способности определенного количества товара В обмениваться на данное количество товара А. Другими словами: {потребительная} стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда она представлена как "меновая стоимость". Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная [стоимость] {значимость} и меновая стоимость, то, строго говоря, это было не верно. Товар есть потребительная [стоимость] {значимость}, или предмет потребления, {потребительная стоимость} и "стоимость". Он обнаруживает эту свою [двойственную] {тройственную} природу, когда его {потребительная} стоимость получает собственную, отличную от его натуральной, форму проявления, а именно форму меновой стоимости, причем товар, рассматриваемый изолированно, никогда не обладает этой формой, но обладает ею всегда лишь в стоимостном отношении, или в меновом отношении, к другому, неоднородному с ним товару. Раз мы это помним, указанное выше неточное словоупотребление не приводит к ошибкам, а служит только для сокращения.

Наш анализ показал, что форма {потребительной} стоимости, или выражение {потребительной} стоимости, товара вытекает из природы товарной стоимости, а не наоборот, не стоимость и величина стоимости вытекает из способа ее выражения как меновой стоимости. Но именно так представляют себе дело как меркантилисты и их современные поклонники вроде Ферье, Ганиля и т.д. 22), так и их антиподы, современные коммивояжеры свободной торговли вроде Бастиа с компанией. Меркантилисты переносят центр тяжести на качественную сторону выражения {потребительной} стоимости, на эквивалентную форму

товара, находящую свое законченное выражение в деньгах, - современные ревнители свободной торговли, которые должны сбыть свой товар во что бы то ни стало, обращают главное внимание, напротив, на количественную сторону относительной формы **{потребительной}** стоимости. Следовательно, для них и стоимость и величина стоимости существуют лишь в том выражении, которое они получают в меновом отношении товаров, т.е. лишь на столбцах текущего прейскуранта товаров. Шотландец Маклеод, профессиональная обязанность которого заключается в том, чтобы разукрашивать возможно большей ученостью сумбурные представления банкиров Ломбард-стрита, являет собой удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными ревнителями свободной торговли.

Ближайшее рассмотрение выражения **{потребительной}** стоимости товара А, содержащегося в его стоимостном отношении к товару В, показало нам, что в пределах этого отношения натуральная форма товара А служит лишь образом **{его}** потребительной [стоимости] **{значимости и стоимости}**, а натуральная форма товара В **{для товара А}** - лишь формой **{потребительной}** стоимости или образом **{потребительной}** стоимости. Скрытая в товаре внутренняя противоположность потребительной [стоимости] **{значимости}** и стоимости выражается, таким образом, через внешнюю противоположность, т.е. через отношение двух товаров, в котором один товар - тот, **{потребительная}** стоимость КОТОРОГО выражается, - непосредственно играет роль лишь потребительной [стоимости] **{значимости}**, а другой товар - тот, в КОТОРОМ **{потребительная}** стоимость выражается, - непосредственно играет роль лишь меновой стоимости. Следовательно, простая форма **{потребительной}** стоимости товара есть простая форма проявления заключающейся в нем противоположности потребительной [стоимости] **{значимости}** и **{потребительной}** стоимости.

Продукт труда во всяком обществе есть предмет потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития превращает продукт труда в товар, - а именно та, при которой труд, затраченный на производство полезной вещи, выступает как "предметное" свойство этой вещи, как ее стоимость. Отсюда следует, что простая форма **{потребительной}** стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы **{потребительной}** стоимости.

Уже с первого взгляда очевидна неоднозначность простой формы **{потребительной}** стоимости, этой зародышевой формы, которая, лишь пройдя ряд метаморфозов, созревает до формы цены.

Выражение потребительной стоимости товара А в каком-либо товаре В отличает потребительную стоимость товара А только от его собственной потребительной стоимости значимости и ставит его, поэтому лишь в меновое отношение к какому-либо единичному, отличного от него самого товару; но оно не выражает его качественной тождественности и количественной пропорциональности со всеми другими товарами. Простой относительной форме потребительной стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма другого товара. Так, например, сюртук в относительном выражении потребительной стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обмениваемости, только по отношению к этому единичному товару, холсту.

Между тем единичная форма потребительной стоимости сама собой переходит в более полную развернутую. Хотя посредством единичной формы потребительная стоимость одного товара А выражается лишь в одном товаре другого вида, однако, при этом совершенно безразлично, каков именно этот товар: сюртук ли, железо ли, пшеница ли и т.д. По мере того как один и тот же товар вступает в стоимостные отношения то с тем то с другим видом товара, возникают различные простые выражения его потребительной стоимости ²²⁾.

²²⁾ Например, у Гомера стоимость одной вещи выражается в целом ряде различных вещей.

Число возможных выражений его потребительной стоимости ограничено только числом отличных от него видов товара. Единичное выражение потребительной стоимости товара превращается, таким образом, в ряд различных простых выражений его потребительной стоимости, причем ряд этот может быть удлинен как угодно.

В. [ПОЛНАЯ, ИЛИ] РАЗВЕРНУТАЯ ФОРМА **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ

z товара А = u товара В, или $=v$ товара С, или $=w$ товара Д, или $=x$ товара Е, или $=$ и т.д.

(20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или = 1 четверту пшеницы, или 2 унциям золота, или = 1/2 тонны железа, или = и т.д.

1) РАЗВЕРНУТАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ

Потребительная стоимость данного товара, например, холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом потребительной стоимости холста ²³⁾.

²³⁾ Поэтому говорят о сюртучной стоимости холста, если выражают потребительную стоимость холста в сюртуках, о его хлебной стоимости, если выражают ее в хлебе, и т.д. Каждое такое выражение означает, что в потребительной стоимости сюртука, хлеба и т.д. проявляется ни что иное, как потребительная стоимость холста. "Так как стоимость каждого товара означает его меновое отношение... мы можем говорить о ней... как о хлебной стоимости, суконной стоимости и т.п., в зависимости от того с каким другим товаром данный товар сравнивается; таким образом, имеются тысячи различных видов стоимости - ровно столько видов стоимости, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны" ("A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Autor of Essays on the Formation etc. of Opinions". London, 1825, p. 39). С.Бейли, автор этой анонимной работы, которая в свое время наделала много шума в Англии, воображает, что указанием на эти пестрые относительные выражения одной и той же товарной стоимости он уничтожил всякую возможность определить понятие стоимости. Что он, несмотря на всю его ограниченность, все же нащупал уязвимые места рикардовской теории, доказывает то раздражение, с которым напала на него школа Рикардо, например, в "Wesymminster Reviev")

Сколько перьев исписано, сколько речей произнесено, сколько человеческих нервов (и не только нервов) потрачено в споре одних и других, сторонников и противников теории стоимости. Сколько людских потерь понесло и еще понесет человечество, пока не станет общепризнанным тот факт, что в этом споре, как это чаще всего и бывает, правы и, одновременно, не правы и те и другие, что истина находится "посередине" и легко может быть признана обеими сторонами, если категорию "потребительная стоимость" товара переопределить, как мы это сделали ранее. Если признать, что в меновом отношении товаров находит себе форму и количественное выражение не стоимость товаров, а их потребительная стоимость, то Маркс и его сторонники будут правы в том, что стоимость товара определяется затратами рабочей силы на его производство и не зависит от обмена, а противники Маркса будут правы в том, что свободное рыночное меновое отношение товаров является наиболее точным и перспективным способом определения их потребительных стоимостей, характеристик товаров, не менее важных, чем стоимость!

Таким образом, только теперь сама эта **{потребительная стоимость и}** стоимость выступает как сгусток лишеного различий человеческого труда. Это потому, что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и овеществляется ли он в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т.д. Поэтому в силу своей формы **{потребительной}** стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он гражданин этого мира. В то же время бесконечный ряд выражений товарной **{потребительной}** стоимости

показывает, что она относится с полным безразличием ко всякой особой форме потребительной [стоимости] {значимости}, в которой она проявляется.

В первой форме - 20 аршин холста = 1 сюртуку - может казаться простой случайностью, что эти два товара обмениваются друг на друга в определенном количественном соотношении. Напротив, во второй форме тотчас же обнаруживается, скрывающаяся за этим основа, по существу отличная от случайного проявления и определяющая собой это последнее. Стоимость холста остается одинаковой по своей величине независимо от того, выражается ли [она] {потребительная} стоимость в сюртуке, кофе, железе и т.д., - в бесконечно разнообразных товарах, принадлежащих самым различным владельцам. Случайное отношение двух индивидуальных товаровладельцев отпадает. Становится очевидным, что не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, [величина] {величины более или менее точно подсчитанной стоимости своего товара и индивидуально представимой, индивидуально приемлемой, более или менее точно предполагаемой каждым участником обмена стоимости товара его партнера по обмену} регулирует его меновые отношения.

Увы, вопреки представлениям Маркса, и вторая, развернутая форма потребительной стоимости одного товара имеет в значительной степени случайный, индивидуальный характер. Ибо, наряду с соотношениями:

20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 40 ф. кофе, или 1 квартеру пшеницы, или 2 унциям золота, или = 1/2 тонны железа, или и т.д.

одного владельца холста могут существовать и реально существуют отличающиеся от них, не менее случайные соотношения у других владельцев холста:

20 аршин холста = 0,5 сюртука, или = 12 ф. чая, или = 30 ф. кофе, или = 1,5 квартера пшеницы или = 1,5 унции золота, или = 0,75 тонны железа, или и т.д.

у второго и

20 аршин холста = 1,25 сюртука, или = 9 ф. чаю, или = 43 ф. кофе, или = 0,75 квартера пшеницы, или = 2,25 унции золота, или = 0,5 тонны железа, или и т.д.

у третьего и т.д.

Индивидуально-случайное отношение двух товаровладельцев здесь дополняется не менее индивидуально-случайным отношением других товаровладельцев.

Однако, за этими, по-прежнему в значительной степени индивидуально-случайными стоимостными отношениями товара холст и, например, товара кофе у разных их владельцев можно увидеть систематическую составляющую. В самом деле, в приведенном примере

20 аршин холста = то 40 ф. кофе, = то 30 ф. кофе, = то 43 ф. кофе, А В СРЕДНЕМ
20 аршин холста = $40/3 + 30/3 + 43/3 = 37,67$ ф. кофе.

Таким образом, для каждой количественно ограниченной группы владельцев товара холст, например, числа L, может быть определена групповая потребительная стоимость товара кофе:

20 аршин холста (L) = $\text{Lim } \Sigma Y(i) / L$ при $i \rightarrow L$,

или пределу, к которому стремится отношение суммы потребительных стоимостей кофе для каждого i - го владельца холста, при i, стремящемся к числу владельцев холста L.

Эта групповая потребительная стоимость кофе для L владельцев холста и есть та систематическая составляющая меновой стоимости кофе для 2*L участников обмена, от

которой каждое единичное меновое отношение будет индивидуально-случайным образом отклоняться в ту или иную сторону.

2) ОСОБЕННАЯ ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Каждый товар, сюртук, чай, пшеница, железо и т.д., в выражении потребительной стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими другими. Равным образом многообразные определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления и проявления человеческого труда вообще.

3) НЕДОСТАТКИ [ПОЛНОЙ, ИЛИ] РАЗВЕРНУТОЙ ФОРМЫ {ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ} СТОИМОСТИ

Во-первых, относительное выражение {потребительной} стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его {потребительной} стоимости никогда не заканчивается. Цепь, звенья которой состоят из уравнений {потребительной} стоимости, всегда может быть продолжена путем включения каждого вновь появившегося товарного вида, доставляющего материал для нового выражения стоимости. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений {потребительной} стоимости. Наконец, если, как это и должно произойти, в этой развернутой форме выражается относительная {потребительная} стоимость каждого товара, то относительная форма {потребительной} стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений {потребительной} стоимости, отличный от выражения относительной формы {потребительной} стоимости всякого иного товара. Недостатки развернутой относительной формы {потребительной} стоимости отражаются, в свою очередь, и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного товарного вида является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, из которых каждая исключает все остальные. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содержащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно, не исчерпывающей, формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную или исчерпывающую форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее, не обладает здесь единой формой проявления.

Впрочем, развернутая относительная форма {потребительной} стоимости состоит лишь из суммы простых относительных выражений {потребительной} стоимости, или уравнений, первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку,

20 аршин холста = 10 ф. чаю и т.д.

С учетом наших представлений о групповых значениях относительной потребительной стоимости последние уравнения Маркса мы можем записать в общем виде:

20 аршин холста = $\text{Lim} \sum Y(i) / L$, при $i \rightarrow L$, ф. чаю,

20 аршин холста = $\text{Lim} \sum Z(j) / M$, при $j \rightarrow M$, сюртуков

здесь j - порядковый номер владельца сюртуков, обменивающего свой сюртук на холст, а M - число владельцев сюртуков в группе.

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук = 20 аршинам холста,
10 ф. чаю = 20 аршинам холста и т.д.

В самом деле: если кто-нибудь обменивает свой холст на многие другие товары и, следовательно, выражает его **{потребительную}** стоимость в ряде других товаров, то многие другие товаровладельцы обязательно должны, очевидно, также обменивать свои товары на холст, следовательно, должны выразить **{потребительную}** стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, в холсте.

В предложенном нами общем виде:

$\text{Lim } \Sigma Y(i) / L$, при $i \rightarrow L$ ф. чаю = 20 аршинам холста,
 $\text{Lim } \Sigma Z(j) / M$, при $j \rightarrow M$ сюртуков = 20 аршинам холста и т.д.

Итак, обернем ряд: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чая, или = и т.д., т.е. выразим лишь то обратное отношение, которое по существу дела уже заключается в этом ряду, тогда получится:

С. ВСЕОБЩАЯ ФОРМА **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ

1 сюртук =
10 ф. чаю =
40 ф. кофе =
1 квартал пшеницы = 20 аршинам холста
2 унции золота =
1/2 тонны железа =
х товара А =
и т.д.

В предлагаемом нами общем виде всеобщая форма потребительной стоимости выглядит так:

$\text{Lim } \Sigma Y(i) / L$, при $i \rightarrow L$ ф. чаю =
 $\text{Lim } \Sigma Z(j) / M$, при $j \rightarrow M$ сюртука = 20 аршинам холста
х товара А =
и т.д.

1) ИЗМЕНЕННЫЙ ХАРАКТЕР ФОРМЫ **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ

Теперь товары выражают свои **{потребительные}** стоимости: 1) просто, так как они выражают их в одном-единственном товаре, 2) единообразно, так как они выражают их в одном и том же товаре. Форма их **{потребительной}** стоимости проста и обща им всем, следовательно, всеобща.

Формы I и II достигали лишь того, что **{потребительная}** стоимость данного товара выражалась как нечто отличное от его собственной потребительной [стоимости] **{значимости}**, или его товарного тела.

Первая форма давала уравнения **{потребительной}** стоимости такого рода: 1 сюртук = 20 аршин холста, 10 ф. чаю = 1/2 тонны железа и т.д. **{Потребительная}** стоимость сюртука выражается как нечто равное холсту, **{потребительная}** стоимость чая - как нечто равное железу и т.д. Но эти нечто, равные холсту и железу, эти выражения **{потребительной}** стоимости сюртука и чая столь различны между собой, как и сами холст и железо. На практике

эта форма встречается, очевидно, лишь при первых зачатках обмена, когда продукты превращаются в товары лишь посредством единичных и случайных актов обмена.

Вторая форма полнее, чем первая, отличает **{потребительную}** стоимость товара от его собственной потребительной [стоимости] **{значимости}**, так как **{потребительная}** стоимость, например сюртука, противопоставит здесь его натуральной форме во всех возможных видах, как нечто равное холсту, равное железу, равное чаю и т.д., - равное всему чему угодно, только не самому сюртуку. С другой стороны, здесь прямо исключается всякое общее выражение **{потребительной}** стоимости товаров, так как в выражении **{потребительной}** стоимости каждого отдельного товара все другие товары выступают лишь в форме эквивалентов. Развернутая форма **{потребительной}** стоимости впервые встречается фактически тогда, когда какой-нибудь продукт труда, например скот, уже не в виде исключения, а обычно обменивается на многие другие товары.

Вновь полученная нами форма III выражает **{потребительные}** стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара, например в холсте, и представляет, таким образом, **{потребительные}** стоимости всех товаров через равенство их с холстом. Как нечто равное холсту, **{потребительная}** стоимость каждого товара отличается не только от своей собственной потребительной [стоимости] **{значимости}**, но и от всякой потребительной [стоимости] **{значимости}**, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими. Следовательно, только эта форма действительно устанавливает отношения между товарами как стоимостями **{и потребительными стоимостями}**, или заставляет их выступать по отношению друг к другу в качестве меновых стоимостей.

Обе прежние формы выражают **{потребительную}** стоимость каждого товара или в одном неоднородном с ним товаре, или в ряде многих отличных от него товаров. В обоих случаях добыть себе форму **{потребительной}** стоимости является, так сказать, частным делом отдельного товара, и он совершает это без содействия остальных товаров. Последние играют по отношению к нему лишь пассивную роль эквивалента. Напротив, всеобщая форма **{потребительной}** стоимости возникает лишь как общее дело всего товарного мира. Данный товар приобретает всеобщее выражение **{потребительной}** стоимости лишь потому, что одновременно с ним все другие товары выражают свою **{потребительную}** стоимость в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь появляющийся товар должен подражать этому. Вместе с тем обнаруживается, что, так как стоимостная предметность товаров представляет собой просто "общественное бытие" этих вещей, то и выражена она может быть лишь через их всестороннее общественное отношение, что их стоимостная форма должна быть, поэтому общественно значимой формой.

В форме своего равенства холсту все товары оказываются теперь не только качественно равными, т.е. стоимостями **{и потребительными стоимостями}** вообще, но в то же время и количественно сравнимыми стоимостями **{и потребительными стоимостями}**. Так как они отражают величины своих **{потребительных}** стоимостей в одном и том же материале - в холсте, то эти величины **{потребительной}** стоимости взаимно отражаются одна в другой. Например, 10 ф. чаю = 20 аршинам холста и 40 ф. кофе = 20 аршинам холста. Следовательно, 10 ф. чаю = 40 ф. кофе. Или: в одном фунте кофе заключена только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чаю.

Всеобщая относительная форма **{потребительной}** стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту, холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости **{и потребительной стоимости}**, общим для всего товарного мира, холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда. Ткачество, частный труд, производящий холст, находится в то же время в форме всеобщей и общественной, в форме равенства со всеми другими видами труда. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма **{потребительной}** стоимости, приравнивают труд, осуществленный в холсте, поочередно ко всем видам труда, содержащимся в каждом другом

товаре, и тем самым делают ткачество всеобщей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, труд, овеществленный в товарной **{потребительной}** стоимости, получает не только отрицательное выражение как труд, от которого отвлечены все конкретные формы и полезные свойства действительных видов труда, но отчетливо выступает и его собственная положительная природа. Последняя состоит в том, что действительные виды труда сведены к общему для них характеру человеческого труда, к затрате человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма **{потребительной}** стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческого труда, своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобщее человеческое качество труда образует его специфически общественный характер.

2) ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РАЗВИТИЕМ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ФОРМЫ

Степени развития относительной формы **{потребительной}** стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако - и это важно отметить - развитие эквивалентной формы есть лишь выражение и результат развития относительной формы **{потребительной}** стоимости.

Простая, или единичная, относительная форма **{потребительной}** стоимости товара делает другой товар единичным эквивалентом. Развернутая форма относительной **{потребительной}** стоимости, - это выражение **{потребительной}** стоимости товара во всех других товарах, - придает последним форму разнообразных особых эквивалентов. Наконец, один особый вид товара получает форму всеобщего эквивалента, потому что все другие товары делают его материалом для своей единой всеобщей формы **{потребительной}** стоимости.

В той самой степени, в какой развивается форма **{потребительной}** стоимости вообще, развивается и противоположность между ее полюсами - относительной формой **{потребительной}** стоимости и эквивалентной формой.

Уже первая форма - 20 аршин холста = 1 сюртуку - содержит эту противоположность, но не фиксирует ее. Смотря по тому, как мы будем читать это уравнение, слева направо или обратно, каждый из двух товарных полюсов, и холст и сюртук, окажется попеременно то в относительной форме **{потребительной}** стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно установить полярную противоположность.

Так, все-таки, можно читать стоимостное уравнение и слева направо и справа налево?! И ничего для этого не надо переворачивать, чего так не хотел признавать Маркс, отстаивая десятком страниц ранее свое видение относительной формы стоимости, а не потребительной стоимости товара?!

В форме II какой-нибудь вид товара всякий раз вполне может развернуть свою относительную **{потребительную}** стоимость, или сам он обладает развернутой относительной формой **{потребительной}** стоимости, лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме. Здесь уже нельзя переставить обе части стоимостного уравнения, например 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 ф. чаю, или = 1 четверту пшеницы и т.д., не изменяя его общего характера, не превращая его из полной во всеобщую форму **{потребительной}** стоимости.

Наконец, последняя форма, форма III, дает товарному миру всеобщее общественную относительную форму потребительной стоимости, потому что и постольку здесь все принадлежащие к товарному миру виды - кроме одного - исключены из всеобщей эквивалентной формы. Один товар, холст, находится в форме, дающей ему способность

непосредственно общественной форме, потому что и поскольку все остальные товары не находятся в этой форме ²⁴⁾.

²⁴⁾ Форма всеобщей непосредственной обмениваемости не обнаруживает при первом взгляде на нее того обстоятельства, что она - противоречивая товарная форма, также неразрывно связанная с формой непосредственной обмениваемости, как положительный полюс магнита с его отрицательным полюсом. Поэтому столь же допустимо вообразить себе, что на все товары одновременно можно наложить печать непосредственной обмениваемости, как допустимо вообразить, что всех католиков можно сделать папами. Для мелкого буржуа, который в товарном производстве видит пес plus ultra (вершину) человеческой свободы и личной независимости, было бы, конечно, в высшей степени желательно устранить недостатки, связанные с этой формой, в особенности же тот недостаток товаров, что они не обладают непосредственной обмениваемостью. Размалевывание этой филистерской утопии и составляет прудоновский социализм, который, как я показал в другом месте, не отличается даже оригинальностью, а лишь повторяет то, что гораздо раньше и лучше сказали Грей, Брей и др. Это не препятствует в наши дни такой мудрости распространяться в известных кругах под именем "науки". Ни одна школа не носилась так со словом "наука", как прудоновская, потому что

"Коль скоро недочет в понятиях случится,

Их можно словом заменить".

Наоборот, товар, фигурирующий как всеобщий эквивалент, лишен единой, а, следовательно, и всеобщей относительной формой **{потребительной}** стоимости товарного мира. Если бы холст или вообще какой-либо товар, находящийся в форме всеобщего эквивалента, участвовал в то же время и во всеобщей относительной форме **{потребительной}** стоимости, то он должен был бы сам для себя служить эквивалентом. Мы получили бы тогда 20 аршин холста = 20 аршин холста, - тавтологию, в которой не выражается ни **{потребительная}** стоимость, ни величина **{потребительной}** стоимости. Чтобы выразить относительную **{потребительную}** стоимость всеобщего эквивалента, мы должны, напротив, перевернуть форму III. Всеобщий эквивалент не обладает общей всем остальным товарам относительной формой **{потребительной}** стоимости, а его **{потребительная}** стоимость выражается относительно в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом, развернутая относительная форма **{потребительной}** стоимости, или форма II, оказывается специфической относительной формой **{потребительной}** стоимости товара-эквивалента.

3) ПЕРЕХОД ОТ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМЫ **{ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ}** СТОИМОСТИ К ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЕ

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару. С другой стороны, какой-либо товар находится во всеобщей эквивалентной форме (форме III) лишь тогда и постольку, когда и поскольку он как эквивалент, выталкивается всеми другими товарами из их среды. И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом специфического товарного вида, - лишь с этого момента единая относительная форма потребительной стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Играть в товарном мире роль всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а, следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную потребительную стоимость в холсте, исторически завоевал определенный товар, а именно золото. Поставим поэтому в форме III на место товара холст товар золото. Получится:

20 аршин холста	=
1 сюртук	=
10 ф. чаю	=
40 ф. кофе	= 2 унциям золота
1 квартал пшеницы	=
1/2 тонны железа	=
x товара А	=

В предложенном нами общем виде уравнения денежной формы потребительной стоимости всех товаров для всех товаровладельцев выглядят следующим образом:

$$\begin{aligned} \text{Lim } \Sigma Y(i) / L, \text{ при } i \rightarrow L \text{ ф. кофе} &= \\ \text{Lim } \Sigma Z(j) / M, \text{ при } j \rightarrow M \text{ сюртуков} &= 2 \text{ унциям золота,} \end{aligned}$$

$$\dots\dots\dots$$

$$\text{X ср. товара А} =$$

где $Y(i)$ - индивидуально-случайно отличающиеся количества фунтов кофе, обмениваемых на 2 унции золота в каждом i -ом случае обмена;

L - общее количество случаев обмена кофе на 2 унции золота;

$Z(j)$ - индивидуально-случайные количества сюртуков, обмениваемых на 2 унции золота в каждом j -ом случае;

M - общее число случаев обмена сюртуков на 2 унции золота.

Каждое из бесконечного множества этих уравнений типа

$$\text{Lim } \Sigma X(i) / L = 2 \text{ унциям золота, при } i \rightarrow L \quad \{1\}$$

дает нам, с одной стороны, групповую потребительную стоимость данного конкретного товара для L его владельцев в денежном товаре - золоте, и, с другой стороны, потребительную стоимость золота для L владельцев этого товара.

Те же количественные значения потребительных стоимостей конкретного товара и золота мы могли бы получить выраженными в другом виде. В самом деле, из начальных меновых отношений разных владельцев холста с владельцами других товаров в развернутой форме потребительной стоимости:

$$\begin{aligned} 20 \text{ аршин холста} &= 1 \text{ сюртуку} = \dots = 2 \text{ унциям золота} = \dots \\ 20 \text{ аршин холста} - 0,5 \text{ сюртука} &= \dots = 1,5 \text{ унции золота} = \dots \\ 20 \text{ аршин холста} - 1,25 \text{ сюртука} &= \dots = 2,25 \text{ унции золота} = \dots \end{aligned}$$

и т. д.

можно вывести уравнение:

$$20 \text{ аршин холста} = 2 \text{ унции золота} / L + 1,5 \text{ унции золота} / L + 2,25 \text{ унции золота} / L + \dots,$$

где L - число индивидуально-случайных обменов холста на золото.

В общем виде:

$$20 \text{ аршин холста} = \text{Lim } \Sigma X(i) / L \text{ унций золота, при } i \rightarrow L \quad \{2\}$$

где $X(i)$ - количества золота, обмененные на 20 аршин холста в каждом i -ом случае обмена.

До сих пор, выводя формулы общего вида для определения групповой потребительной стоимости товаров, мы исходили из некоторого ограниченного числа L участников обмена товара на другой товар или деньги. Теоретически нет никаких препятствий тому, чтобы

распространить эти отношения на все N членов общества. Если к тому же уйти от конкретного вида товара, то уравнение {2} можно записать в виде:

$$\text{ЕДИНИЦА ТОВАРА} = \lim \Sigma X(i) / N \text{ денежных единиц, при } i \rightarrow N \quad \{3\}$$

Уравнение {3} является, таким образом, наиболее общей формулой для определения **ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ЛЮБОГО ТОВАРА**.

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. Золото в форме IV играет ту же роль, как холст в форме III, - роль всеобщего эквивалента. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая эквивалентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки с натуральной специфической формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент - как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении **{потребительных}** стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, форма IV начинает отличаться от формы III, другими словами - всеобщая форма **{потребительной}** стоимости превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение **{потребительной}** стоимости товара, например холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, например в золоте, есть форма цены. Следовательно, "форма цены" холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. составляют монетное название двух унций золота,

20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов.

Трудность понятия денежной формы ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно, всеобщей формы потребительной стоимости вообще, формы III. Форма III разрешается ретроспективно в форму II, в развернутую форму потребительной стоимости, а конституирующим элементом этой последней является форма I: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или x товара A = y товара B. Простая товарная форма есть, поэтому зародыш денежной формы.

4. ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ И ЕГО ТАЙНА

На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это - вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость значимость, он не включает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с той точки зрения, что он приобретает эти свойства как продукт человеческого труда. Само собой понятно, что человек своей деятельностью изменяет формы веществ природы в полезном для него направлении. Формы дерева изменяются, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом - обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка

порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать ²⁵⁾.

²⁵⁾ Напомним, что Китай и столы начали танцевать - *pour encourager les autres* (для ободрения других) - как раз в такое время, когда весь остальной мир казался находящимся в полном покое.

Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его стоимостью значимостью. Столь же мало порождается он содержанием определений стоимости. Потому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные формы полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны это - функции человеческого организма, и каждая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, по существу есть затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т.д. Во-вторых то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат, или количество труда, совершенно отчетливо отличается от качества труда. Во всяком обществе то рабочее время, которого стоит производство жизненных средств, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития ²⁶⁾.

²⁶⁾ Примечание к 2 изданию. У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда название моргена: *Tagwerk* (или *Tagwanne*) (*jurnale* или *jurnalis*, *terra jurnalis*, *jornalis* или *diurnalis*) *Mannwerk*, *Mannskraft*, *Mannsmaad*, *Mannshauet* и т. д. См. *Georg Ludwig Maurer. "Einleitung zur Geschichte der Mark-, hof-, u.s.w. Verfassung". Munchen, 1854, S. 129 sq.*

Наконец, раз люди, так или иначе, работают друг на друга, их труд тем самым получает общественную форму.

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно из самой этой формы. Равенство различных видов труда приобретает различную вещную форму одинаковой стоимостной предметности продуктов труда; измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда, получает форму общественного отношения продуктов труда.

Следовательно, таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественных отношений вещей. Благодаря этому *quid pro quo* (появлению одного вместо другого) продукты труда становятся товарами, вещами чувственно-сверхчувственными, или общественными. Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это - физическое отношение между физическими вещами. Между тем, товарная форма и то отношение стоимостей продуктов труда, в котором она выражается, не имеет решительно ничего общего с физической природой вещей и вытекающими из нее отношениями вещей. Это - определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношений между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

Этот фетишистский характер товарного мира порождается, как уже показал предшествующий анализ, своеобразным общественным характером труда, производящего товары.

Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты не зависящих друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически осуществляются как звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями. Поэтому последним, то есть производителям, общественные отношения их частных работ кажутся именно тем, что они представляют собой на самом деле, т.е. не непосредственно не непосредственно общественными отношениями самих лиц в их труде, а, напротив вещными отношениями лиц и общественными отношениями людей

Здесь нам представляется необходимым подчеркнуть следующее.

Маркс говорит о совокупном общественном труде, как о совокупности независимых, но взаимосвязанных частных работ независимых производителей. По его мнению, только обмен продуктов частных работ опосредует специфически общественный характер этих частных работ. Однако он не дает здесь еще анализ характера и закономерностей распространения этих отношений обмена на различные категории членов общества в различных общественно-экономических системах. Последняя же фраза, по видимому, имеет вообще не точный перевод: вместо "именно тем" по смыслу должно быть "не тем".

Лишь в рамках своего обмена продукты труда получают общественно одинаковую стоимостную предметность, обособленную от их чувственно различных потребительных предметностей. Это расщепление продукта труда на полезную вещь и стоимостную вещь осуществляется на практике лишь тогда, когда обмен уже приобрел достаточное распространение и такое значение, что полезные вещи производятся специально для обмена, а потому стоимостный характер вещей принимается во внимание уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей действительно получают двойственный общественный характер. С одной стороны, как определенные виды полезного труда, они должны удовлетворять определенную общественную потребность и таким образом должны оправдать свое назначение в качестве звеньев естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют лишь разнообразные потребности своих собственных производителей, поскольку каждый особенный вид полезного частного труда может быть обменен на всякий иной особенный вид полезного частного труда и, следовательно, равнозначен последнему. Равенство видов труда, *toto coelo* (во всех отношениях) различных друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их действительного неравенства, в сведении их к тому общему им характеру, которым они обладают как затраты человеческой рабочей силы, как абстрактно человеческий труд. Но мозг частных производителей отражает этот двойственный общественный характер их частных работ в таких формах, которые выступают в практическом обиходе, в обмене продуктов: стало быть, общественно полезный характер их частных работ он отражает в той форме, что продукт труда должен быть полезен, и не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных видов труда он отражает в той форме, что эти материально различные вещи, продукты труда, суть стоимости.

Следовательно, люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости и потребительные стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости и потребительные стоимости, люди приравнивают свои различные виды труда один другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают ²⁷⁾.

²⁷⁾ Примечание к 2 изданию. Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между людьми - "La Ricchezza e una ragione tra due persone" - то ему следовало бы добавить: отношение, прикрытое вещной

оболочкой. (Galiani. "Della Moneta", стр. 221, том III издания Кустоди: "Scrittori Clasici Italiani di Economia Politica". Parte Moderna... Milano, 1803).

Таким образом, у стоимости и потребительной стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того, стоимость и потребительная стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимостей и потребительных стоимостей есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости и потребительные стоимости, представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на производство, составляют эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависящих друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего - как до, так и после указанного открытия - кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому, как свойства воздуха - его физическая телесная форма - продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его составные элементы.

Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует, прежде всего, вопрос: сколько чужих продуктов можно получить за свой, т.е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают известной прочности и становятся привычными, тогда кажется, будто они обусловлены самой природой продуктов труда. Так, например, равенство потребительной стоимости одной тонны железа и двух унций золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел. В действительности стоимостный характер продуктов труда утверждается лишь путем их проявления как потребительных стоимостей определенной величины. Величины потребительных стоимостей непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всеобщие связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводят между собой к общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно необходимое для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь через случайные и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь насильственно в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом ²⁸⁾.

²⁸⁾ "Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно" (Фридрих Энгельс. "Наброски к критике политической экономии" в журнале "Deutsch-Französische Jahrbucher", издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844 (см. сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 1, стр. 561))

Действительно, товарное производство в своем развитии со времени его зарождения до времени жизни К. Маркса, а тем более до настоящего времени, претерпело колоссальные количественные и качественные изменения. Действительно, для того чтобы в общественном сознании зародилось и укрепилось марксово понимание основ политической экономии нужно было "вполне развитое товарное производство". Но, видимо, степень его развития ТОГДА

оказалась все-таки недостаточно высока, коль скоро она породила представления о стоимости, как общественно необходимом рабочем времени, о меновой стоимости, как форме стоимости товара, а не форме его потребительной стоимости и т.п. Взять хотя бы последнее утверждение Маркса о насильственном характере проявления общественно необходимого рабочего времени, подкрепленное цитатой из Ф. Энгельса.

В самом деле, разве закон всемирного тяготения действует ТОЛЬКО ТОГДА, когда "на голову обрушивается дом"? Разве тогда, когда дом нормально стоит и функционирует, может быть немного и, оседая и несколько отклоняясь от строго вертикального положения, закон всемирного тяготения не действует?

Разрушение же дома это ЛИШЬ ОДНО (пусть и революционное) ИЗ ВЕЛИЧАЙШЕГО МНОЖЕСТВА проявлений действия этого закона, может быть, и очень наглядное и для кого-то самое убедительное. Фактически же действие закона всемирного тяготения носит, чаще всего, непрерывный и постепенный, эволюционный характер, характер более или менее плавного накапливания количественных изменений и перехода их в скачкообразные качественные изменения. И естественность этого закона проявляется одинаково характерно и в этой эволюционности и в этой революционности.

Также и с определением общественно необходимого рабочего времени. Формирование представлений о роли и месте этих затрат в экономической системе общества, об их величине при производстве каждого продукта носит, в первую очередь, постепенный, непрерывный, ЭВОЛЮЦИОННЫЙ характер за счет присоединения к числу изготовителей данного продукта все новых и новых производителей, за счет выбывания из их числа старых, за счет возрастания, в целом, их количества.

Но периодически этот естественный процесс, в котором "участники действуют бессознательно", приобретает ускоренный, когда революционный, когда контрреволюционный характер, впрочем, с точки зрения развития цивилизации, столь же естественный, как и эволюционный. В результате сознательной деятельности отдельных личностей, групп, масс роль определения общественно необходимых затрат в экономической системе общества, количество изготовителей, охватываемых этим процессом, значительно изменяется.

Так случилось и в 1917 году в России и позднее, когда, так называемые, общественно необходимые затраты рабочего времени стали основой установления ЦЕНЫ ПРОДУКТА, когда определять эти затраты стали сверху вниз специальные государственные органы, а число учитываемых при этом изготовителей продукта ограничивалось единицами" наиболее представительных из них". По существу, с точки зрения вектора развития цивилизации, эти сознательные действия носили контрреволюционный характер. Более чем семидесятилетняя практика стран, так называемой, социалистической ориентации убедительно доказала ошибочность и бесперспективность такого решения вопроса об общественно необходимых затратах рабочего времени на производство каждого продукта.

Однако, сознательная деятельность людей может привести и (как она, в конечном счете и приводит в процессе развития цивилизации) обязательно приведет к действительно революционным изменениям в процессе определения общественно необходимого рабочего времени на производство всех товаров, к достижению при этом наивысшей точности. Правильно поняв естественно-историческую тенденцию по неуклонному возрастанию числа производителей, участвующих в формировании общественно необходимых затрат своим непосредственным производством и обменом данного вида товара, подлинными революционеры могут с помощью социально-экономических преобразований общества довести это количество до максимума до естественного предела.

Только в этом случае потребительная стоимость товаров будет наиболее полно соответствовать его стоимости, которая, в свою очередь, максимально приблизится к общественно необходимому рабочему времени.

Таким образом, обмен товаров по стоимости есть тот практически недостижимый идеальный конечный результат, идеальный способ функционирования высшей стадии товарного производства и обмена, который достигается и обеспечивается через обмен по потребительной стоимости, в общем случае не совпадающей со стоимостью, через максимально возможное увеличение количества субъектов производства и обмена потребительных стоимостей, через

максимальное увеличение числа субъектов рыночных отношений, через общество всеобщего обмена продуктами частичного труда его членов.

Однако, в этих рассуждениях мы значительно забежали вперед. Сейчас нам предстоит вернуться к тому, как Маркс представлял товарный фетишизм и его проявления на разных ступенях развития общества.

Определение величины стоимости потребительной стоимости рабочим временем есть, поэтому тайна, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных потребительных стоимостей. Открытие этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но отнюдь не устраняет вещной формы определения величины стоимости.

Размышления над формами человеческой жизни, а, следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается *post festum* (задним числом), т.е. исходит из готовых результатов процесса развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и являющиеся, поэтому предпосылками товарного обращения, успевают уже приобрести прочность естественных форм общественной жизни, прежде чем люди сделают первую попытку дать себе отчет не в историческом характере этих форм, - последние уже, наоборот, приобрели для них характер непреложности, - а лишь в их содержании. Таким образом, лишь анализ товарных тел привел к определению величины стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но именно эта законченная форма товарного мира - его денежная форма - скрывает за вещами общественный характер их частных работ, а, следовательно, и общественные отношения частных работников, вместо того, чтобы раскрыть эти отношения во всей чистоте. Когда я говорю: сюртук, сапог и т.д. относятся к холсту как всеобщему воплощению абстрактно человеческого труда, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртуков, сапог и т.п. сопоставляют эти товары с холстом или - что не изменяет дела - с золотом и серебром как всеобщим эквивалентом, то отношение их частных работ к совокупному общественному труду представляется им именно в этой нелепой форме.

Такого рода формы как раз и образуют категории буржуазной экономии. Это - общественно значимые, следовательно, объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства - товарного производства. Поэтому весь мистицизм товарного мира, все чудеса и приведения, окутывающие туманом продукты труда при господстве товарного производства, - все это немедленно исчезает, как только мы переходим к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинзонады ²⁹⁾, то представим себе, прежде всего, Робинзона на его острове.

²⁹⁾ Примечание к 2 изданию. Даже Рикардо не мог обойтись без своей робинзонады. "Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. "Параллелограммы г-на Оуэна", кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной" (К. Маркс. "К критике политической экономии". Берлин. 1859, стр. 38, 39 (см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 13, стр. 46-47)).

Как ни скромны он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и поэтому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготавливать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т.д. О молитве и т.п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдохновение. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, это зависит от того,

больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарный список содержит перечень предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоит изготовление определенных количеств этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г-н Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

В чем же все-таки состоит эта простота отношений и какие выводы она позволяет сделать?

Прежде всего, нужно отметить, что Робинзон употребляет на изготовление каждого необходимого ему предмета потребления **ИНДИВИДУАЛЬНО НЕОБХОДИМОЕ РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ**. Иначе и быть не может, ведь кроме него на необитаемом острове нет больше никаких субъектов производства. Индивидуально необходимое рабочее время на изготовление каждого продукта составляет его стоимость. Но оно же составляет для Робинзона и потребительную стоимость продукта, так как согласно нашему определению потребительная стоимость это количество затрат труда, рабочего времени, которого стоит, которого обходится потребление данной потребительной значимости.

Таким образом, для Робинзона отношение потребительной стоимости продукта к его стоимости всегда равно единице.

Кроме того, в процессе своей деятельности Робинзон остается "один на один" со своими средствами труда и предметами труда, сам планирует и контролирует свою работу, оценивает ее результаты и вносит в нее соответствующие поправки. Возможно, не всякая его деятельность осуществляется одинаково результативно, одинаково эффективно с точки зрения соответствия конечного результата затраченным усилиям, так как, возможно, что другой потерпевший кораблекрушение человек в это же время на другом необитаемом острове для получения тех же продуктов затрачивает меньшее рабочее время.

Если бы нашему Робинзону каким-либо фантастическим образом удалось наблюдать работу своего "собрата по несчастью" он, наверное, перенял бы у него более эффективные приемы и методы труда. Но даже и после этого благотворного влияния Робинзон по-прежнему остался бы единственным непосредственным субъектом своей трудовой деятельности, агентом ее планирования, контроля, оценки результативности и т.п.

В целом ситуация с нашим героем лишь подтверждает тот теоретический постулат, тот вывод, что каждый работающий человек является непосредственным субъектом, плановиком, распределителем и контролером своего процесса труда. Ведь как бы не зависел его труд от десятков и сотен других людей, работающих с ним бок о бок, или занимающих любую вышерасположенную ступеньку производственной или общественной иерархии, поставляющих ему предметы и средства труда или использующих продукт его труда, непосредственно в процессе данного труда, как процессе затраты мозга, нервов, мышц, рук и других органов данного человека участвует только сам этот человек.

Можно, конечно, точнее и подробнее образом расписать, например, технологический процесс обработки детали на металлорежущем станке или составить полнейшую и удобнейшую компьютерную программу бухгалтерского учета на предприятии, но обрабатывать каждую конкретную деталь по готовой технологии, настраивать систему СПИД (станок - приспособление - инструмент - деталь), регулировать подачу СОЖ (смазочно-охлаждающей жидкости), корректировать технологию по конкретному состоянию заготовки и инструмента будет только сам станочник, а готовить исходные данные для работы программы, вводить их в компьютер, анализировать полученные результаты будет только сам бухгалтер. И от квалификации и опыта и станочника и бухгалтера будет по-прежнему зависеть и рабочее время, т.е. стоимость, и потребительная значимость и потребительная стоимость продукта их труда.

Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы - крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, труду и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в общественный круговорот в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд, как и труд, производящий товар, тоже измеряется временем, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы не оценивать те характерные маски, в которых выступают средневековые люди по отношению друг к другу, общественные отношения лиц в их труде проявляются, во всяком случае, здесь именно как их собственные личные отношения, а не облакаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для исследования общего, т.е. непосредственно обобществленного, труда нам нет надобности возвращаться к той его первобытной форме, которую мы встречаем на пороге истории всех культурных народов ³⁰⁾.

³⁰⁾ Примечание к 2 изданию. "В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она - первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности" (Карл Маркс. "К критике политической экономии". Берлин. 1859, стр. 10 (см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 13, стр. 20))

Более близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжку, предметы одежды и т.д. Эти различные вещи противостоят такой семье как различные продукты ее семейного труда, но не противостоят друг другу как товары. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т.д., являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает подобно товарному производству своим собственным, естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста а так же изменяющиеся со сменой времен года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена. Но затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем, уже с самого начала выступает здесь как общественное определение самих работ, так как индивидуальные рабочие силы с самого начала функционируют здесь лишь как органы совокупной рабочей силы всей семьи.

Наконец, представим себе, для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно (*selbstbewusst*) расходующий свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Все определения Робинзоновского труда повторяются здесь, но в общественном, а не в индивидуальном масштабе. Все продукты труда Робинзона были исключительно его личными продуктами и, следовательно, непосредственно предметами потребления для него самого. Весь продукт труда союза свободных людей представляет собой общественный продукт. Часть этого продукта служит снова в качестве средства производства. Она остается общественно. Но другая часть потребляется в качестве жизненных средств членами союза. Поэтому она должна быть распределена между членами союза. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественного производственного организма и

ступени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товарным производством, мы предположим, что доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а, следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении.

Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к продуктам своего труда как к товарам, следовательно, как к стоимостям, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, - для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т.д. При древнеазиатских, античных и т.д. способах производства превращение продукта в товар, а, следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни.

Собственно торговые народы существуют, как боги Эпикура, лишь в межмировых пространствах древнего мира или - как евреи в порах польского общества. Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования - низкая степень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития.

Правда, политическая экономия анализировала - хотя и недостаточно ³¹⁾ - стоимость и величину стоимости и раскрыла скрытое в этих формах содержание.

³¹⁾ Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости - а это лучший анализ ее - будет показана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия нигде прямо не приводит вполне отчетливого и сознательного различия между трудом, как он выражается в стоимости, и тем же самым трудом, поскольку он выражается в потребительной стоимости значимости продукта. Фактически она, конечно, проводит это различие, так как в первом случае рассматривает труд с количественной, во втором - с качественной стороны. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие видов труда предполагает их качественное единство или равенство, следовательно, их сведение к абстрактно человеческому труду. Рикардо, например, заявляет, что он согласен со следующими словами Дестюта де Трасси: "Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности есть единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, т.е. труд, является нашим единственным первоначальным сокровищем. Только это применение создает все предметы, которые мы называем богатством... Ясно также, что все эти предметы представляют только труд, создавший их, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то она происходит только от стоимости труда, которым они порождаются" (Ricardo. "The Principles of Political Economy", 3rd ed. London, 1821, p. 334). Мы отметим лишь, что Рикардо приписывает Дестюту свое собственное более глубокое понимание вопроса. Правда Дестют, с

одной стороны, говорит, что все вещи, составляющие наше богатство, "представляют труд, который создал их", но, с другой стороны, он утверждает, что "две различные стоимости" их (потребительная и меновая) заимствуются от "стоимости труда". Он тем самым повторяет плоскости вульгарной политической экономии, которая предполагает стоимость одного товара (в данном случае труда) для того, чтобы затем при ее помощи определить стоимость других товаров. Рикардо же читает его так: и в потребительной и в меновой стоимости представлен труд (а не стоимость труда). Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, который и представлен двойственно, то на протяжении целой главы "Стоимость и богатство и их отличительные свойства" вынужден возиться с пошлостями такого господина, как Ж.Б. Сэй. В конце концов, он с изумлением отмечает, что Дестют, хотя и признает вместе с ним труд источником стоимости, тем не менее, в своем определении понятия стоимости оказывается в то же время согласным с Сэем.

Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами - почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда, как его мера, - в величине стоимости продукта труда ³²⁾?

³²⁾ Один из основных недостатков классической политической экономии состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товара и, в частности, товарной стоимости вывести форму стоимости, которая именно и делает ее меновой стоимостью. Как раз в лице своих лучших представителей А. Смита и Рикардо она рассматривает форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины стоимости поглощает все ее внимание. Причина эта лежит глубже. Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особый тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически. Если же рассматривать буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства, то неизбежно останутся незамеченными специфические особенности формы стоимости, а в дальнейшем развитии - формы денег, формы капитала и т.д. Поэтому у экономистов, которые признают, что величина стоимости измеряется рабочим временем, мы находим самые пестрые и противоречивые представления о деньгах, т.е. о всеобщем эквиваленте в его законченном виде. Особенно ярко это выступает, например, при исследовании банковского дела, где с обыденными ходячими определениями денег далеко не уедешь. В противовес этому появилась реставрированная меркантилистская система (Ганиль и др.), которая в стоимости видит лишь общественную форму или, лучше сказать, лишенный всякой субстанции отблеск этой формы. - Замечу раз и навсегда, что под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантически систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства об их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами.

Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, - эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею, поэтому приблизительно в том же духе, как дохристианские религии отцами церкви ³³⁾.

³³⁾ "Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существуют только два рода институтов: одни - искусственные, другие - естественные. Феодалы - искусственные, буржуазные - естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога... Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет" (Карл Маркс. "Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г-на Прудона" 1847, стр. 113 (см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том.4, стр.142)) Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами - предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира. Или, быть может, Бастиа хочет сказать, что способ производства, покоящийся на рабском труде, тем самым покоится на системе грабежа? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполин мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда, то почему мы должны ожидать правильной оценки наемного труда от такого экономиста-карлика, как Бастиа? - Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-

американской газете по адресу моей работы "К критике политической экономии", 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом - "Экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания", что "способ производства материальной жизни обуславливает социальные, политический и духовный процессы жизни общества вообще" (см. Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, 2 изд., том 13, стр. 6,7), - все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но не приемлемо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего, удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир - политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, а в другом - католицизм. Кроме того, не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности. С другой стороны, еще Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества.

До какой степени фетишизм, присущий товарному миру, или вещная видимость общественных определений труда, вводит в заблуждение некоторых экономистов, показывает, между прочим, скучный и бестолковый спор относительно роли природы в процессе созидания меновой стоимости. Так как меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ, выражать труд, затраченный на производство вещи, то, само собой разумеется, в меновой стоимости содержится не больше вещества, данного природой, чем, например, в вексельном курсе.

Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она возникает очень рано, хотя и не является в прежние эпохи такой господствующей, а, следовательно, характерной, как в наши дни, то кажется, что ее фетишистский характер можно еще сравнительно легко разглядеть. Но в более конкретных формах исчезает даже эта видимость простоты. Откуда возникают иллюзии монетарной системы? Из того, что она не видела, что золото и серебро в качестве денег представляют общественное производственное отношение, но в форме природных вещей со странными общественными свойствами. А возьмите современную политическую экономию, которая свысока смотрит на монетарную систему: разве ее фетишизм не становится совершенно осязательным, как только она начинает исследовать капитал? Давно ли исчезла иллюзия физиократов, что земельная рента вырастает из земли, а не из общества?

Но чтобы не забегать вперед, мы ограничимся здесь еще одним примером, касающимся самой формы товара. Если бы товары обладали даром слова, они сказали бы: наша потребительная [стоимость] {значимость}, может быть, интересует людей. Нас, как вещей, она не касается. Но что касается нашей вещественной природы, так это стоимость. Наше собственное обращение в качестве вещей-товаров служит тому лучшим доказательством. Мы относимся друг к другу лишь как меновые стоимости. Послушаем теперь, как душа товара вещает устами экономиста:

"Стоимость" (меновая стоимость) "есть свойство вещей, богатство" (потребительная стоимость) "есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство же - нет" ³⁴⁾.

³⁴⁾ "Observations on certain disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply". London, 1821, p. 16.

"Богатство" (потребительная стоимость) "есть атрибут человека, стоимость - атрибут товара. Человек или общество богаты; жемчуг или алмаз драгоценны... Жемчуг или алмаз имеют стоимость как жемчуг или алмаз" ³⁵⁾.

³⁵⁾ S. Bailey. "A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value", p. 165.

До сих пор еще ни один химик не открыл в жемчуге или алмазе меновой стоимости. Однако экономисты-изобретатели этого "химического" вещества, обнаруживающие особое притязание на критическую глубину мысли, находят, что потребительная [стоимость] {значимость} вещей не зависит от их вещественных свойств, тогда как стоимость присуща им как вещам. Их укрепляет в этом убеждении то удивительное обстоятельство, что потребительная [стоимость] {значимость} вещей реализуется для людей без обмена, т.е. в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как {потребительная} стоимость может быть реализована лишь в обмене, т.е. в известном общественном процессе. Как не вспомнить тут добряка Догбери, который поучает ночного сторожа Сиколя, что "приятная наружность есть дар обстоятельств, а искусство читать и писать дается природой"³⁶⁾.

³⁶⁾ Автор "Observations" и С.Бейли обвиняют Рикардо в том, будто он не заметил относительного характера меновой стоимости и превратил ее в нечто абсолютное. В действительности наоборот: ту кажущуюся относительность, которой обладают эти вещи, например, алмаз, жемчуг, как меновые стоимости, он свел к скрытому за этой их внешностью истинному отношению, к относительности их как простых выражений человеческого труда. Если рикардианцы ответили Бейли грубо, но не доказательно, то лишь потому, что у самого Рикардо они не нашли указания на внутреннюю связь между {потребительной} стоимостью и формой {потребительной} стоимости, или меновой стоимостью.

Как только мы оставляем Робинзона самому решать его сравнительно простые проблемы и переходим к рассмотрению бытия какой-либо ОБЩНОСТИ людей, начиная от семьи и кончая обществом в целом, в различные эпохи его существования, так сразу простота индивидуальных взаимоотношений отдельного человека с природой сменяется отношениями, сложность и запутанность которых возрастает пропорционально количественному составу рассматриваемой общности людей и степени ее исторического развития.

Всем известно, что даже в семье из двух - пяти человек очень многие конфликты возникают из-за несхожести оценок ее членами личного трудового вклада каждого в ее общее благополучие и личной доли потребляемого каждым членом семьи совокупного семейного продукта. Этим же реальным мнимым несоответствием долей производимого и потребляемого продукта в совокупном продукте коллектива, предприятия и общества объясняется, в конечном счете, абсолютное большинство трудовых споров, социальных конфликтов, войн и революций.

Молодой и сильный воин первобытного племени раньше или позже оказывается недовольным руководящими действиями своего престарелого вождя, его реальными действиями и фактическим положением, устраивает ему ловушку и сам становится новым вождем племени.

Средневековые крестьяне, вконец измотанные "законным" грабежом своих хозяев и местного духовенства, бросают производительный труд, собираются в банды разбойников и начинают по своему усмотрению распределять то добро, которое отбирают у своих бывших хозяев и попов.

Физически и морально оскорбленные, материально обделенные пролетарии и крестьянство устраивают бунты, народные восстания и революции, захватывают власть в свои руки, управляют по-своему и, в конечном счете, теряют в гражданских войнах значительную часть нации и материального богатства общества.

Народ, запутанный и запутавшийся в этих сложностях общественного развития и безрезультатного многолетнего "строительства светлого будущего", уставший, по его мнению, кормить такой же запутавшийся родственник и дружественный ему другой народ, добивается государственной независимости, живет самостоятельно и попадает в еще худшее материальное положение, чем те, кого он теперь, якобы, перестал кормить.

Примеров этой сложности и этой запутанности, этого, как пишет Маркс, фетишизма, облаченного в условиях товарного производства в форму товарного фетишизма, может быть приведено великое множество. В чем же причина и где истоки этой запутанности и этого фетишизма? Каковы, хотя бы в общих чертах, пути достижения в этих вопросах возможно более полной ясности?

Прежде всего, мы должны отметить, что при рассмотрении основ материального существования любой количественно определенной общности людей, будь то та же семья или общество в целом, мы имеем дело не с одним индивидом (как в случае с Робинзоном), а с одной или иной совокупностью взаимодействующих индивидов. Мы будем исходить далее из того, что в естественно сложившемся разделении труда данной общности людей каждый ее член выполняет свой частичный труд, производит свой частичный продукт, из которых и складывается совокупный общественный труд и совокупный общественный продукт этой общности.

Не требует особых доказательств утверждение, что в такой общности многие виды частичных работ могут выполняться и действительно выполняются различными ее членами (даже в семье, например, мытье посуды могут выполнять и жена, и муж и дети). Эти повторяющиеся частичные работы в силу неизбежных индивидуальных различий их исполнителей потребуют от них различных затрат рабочей силы (мозга, нервов, рук, мышц и т.д.), а продукты этих повторяющихся работ будут воплощать различную стоимость.

Предположим, что в рассматриваемой общности из N членов продукт A производят каждый i -й из K работников. Тогда индивидуальная стоимость (C) продукта A в производстве i -го работника будет C_i . Если просуммировать все индивидуальные стоимости C_i и разделить эту сумму на число K производителей данного продукта, мы получим среднюю, групповую стоимость $ГС$ продукта A в данной общности:

$$ГС = C_1 / K + C_2 / K + \dots + C_K / K = \text{Lim } \Sigma C_i / K, \text{ при } i \rightarrow K \text{ ед. стоимости}$$

Если продукт A производят все члены общества N , то может быть определена общественная стоимость ($ОС$) этого продукта:

$$ОС = \text{Lim } \Sigma C_i / N, \text{ при } i \rightarrow N$$

Это и есть то самое общественно необходимое на производство данного товара рабочее время, которое по Марксу составляет его стоимость.

Каждая действительно существующая в форме "себестоимости" индивидуальная стоимость продукта будет отличаться от абстрактно, более или менее точно подсчитанной, групповой или общественной стоимости на некоторую величину dC в большую или меньшую сторону:

$$dГC_i = C_i - \text{Lim } \Sigma C_i / K, \text{ при } i \rightarrow K \text{ (ед. стоимости), или}$$

$$dОC_i = C_i - \text{Lim } \Sigma C_i / N, \text{ при } i \rightarrow N \text{ (ед. стоимости)}$$

С другой стороны, в силу все тех же неизбежных индивидуальных различий каждого из K или N производителей продукта A , их продукты будут отличаться друг от друга как по качеству так и по потребительной стоимости для различных потребителей. Например, наши милые дамы из всех известных им парикмахеров предпочитают (по крайней мере, когда у них есть такая возможность) делать свои восхитительные прически у одних и тех же "своих" мастеров, за что готовы платить повышенные суммы денег, т.е., потребительная стоимость в общем одних и тех же парикмахерских услуг в исполнении разных мастеров оценивается ими совершенно различно.

Обозначим потребительную стоимость ($ПС$) каждого продукта A для каждого j -го из всех L его потребителей через $ПС_j$. Тогда, аналогично групповой и общественной стоимости, мы можем определить $ГПС$ групповую и общественную $ОПС$ потребительные стоимости товара A :

$$ГПС = ПС_1 / L + ПС_2 / L + \dots + ПС_j / L = \text{Lim } \Sigma ПС_j / L, \text{ при } j \rightarrow L \text{ (ед. стоимости)}$$

$$ОПС = \text{Lim } \Sigma ПС_j / N, \text{ при } j \rightarrow N \text{ (ед. стоимости)}$$

Индивидуальная потребительная стоимость будет отличаться от групповой или общественной потребительной стоимости в большую или меньшую сторону на величину:

$d \text{ ГПС} = \text{ПС}_j - \text{Lim } \Sigma \text{ ПС}_j / L$, при $j \rightarrow L$, (ед. стоимости)

$d \text{ ОПС} = \text{ПС}_j - \text{Lim } \Sigma \text{ ПС}_j / N$, при $j \rightarrow N$, (ед. стоимости)

Таким образом, для каждого частичного продукта, для каждого члена общности может быть определена стоимость C_i и потребительная стоимость $\text{ПС}_j \dots$

(Не окончено.)

10 марта 1996 г.

Президент фонда социального прогресса
"ПУТЬ К ИСТИНЕ"

В.Н. САФОНЧИК